

ТАМАРА КИМ

Омне ся цв

Тамара Ким

9 месяцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22101537

ISBN 9785448331237

Аннотация

Эта книга – про жизнь и про любовь. В ней – опыт женщины, позволившей себе провалиться туда, куда многие женщины падают прямо сейчас. Она про то, как вытащить себя за волосы из болота. Поговорите с Тамарой Ким. Выбирайтесь из трясины вместе с Инной Лай.

Содержание

Девять месяцев	5
Пролог	5
1	6
2	8
3	14
4	16
5	23
6	24
7	35
8	41
9	50
10	56
11	67
12	72
13	73
14	82
Девять месяцев	86
Тетрадь №1	86
Конец ознакомительного фрагмента.	159

9 месяцев

Тамара Ким

© Тамара Ким, 2016

© Диана Браткова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-3123-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девять месяцев

Пролог Первый круг ада

*И теперь не спрашивай, по ком звонит колокол.
Он звонит по тебе.
Джон Донн*

Она знала наверняка: в этом месте никакого болота быть не может. Это знал и каждый житель городка: здесь болот нет. Заплутавшая в лесу речушка, воспетая еще Лермонтовым, покорно несла сливки канализаций со всех прибрежных городов Кавминвод в ее городок, виновато обтекая его по-над окраиной.

Она стояла в глухом лесу в ста метрах от почти заброшенной тропинки на берегу Подкумка и упрямо твердила себе: «Здесь не может быть болота». И (пока еще с легким недоумением) смотрела на свои ноги, которые уже по щиколотку поглотила вязкая жижа. «Это не болото. Это просто глубокая лужа. Я сейчас переступлю и выберусь из нее». Она сделала привычное движение в попытке переставить ногу, но потеряла равновесие и упала на четвереньки, едва не уткнувшись носом в землю: жижа не отпустила ногу. Она быстро оторвала руки от влажной травы, вытерла о платье, привстала и (все еще) с недоумением внимательно посмотрела себе под ноги. То, что она увидела, заставило ее сердце слегка сжаться. На какую-то долю секунды дыхание ее отключилось, но она тут же заставила себя глубоко вдохнуть.

Инна стояла на пяточке земли диаметром с полметра.

Точно по центру. Круг был абсолютно ровный. Словно его старательно очертит некто невидимый большим циркулем. Но мелкие волны панического страха захлестывали разум не от идеальности контура: трава в самом круге отсутствовала напрочь. Но ведь она была под ногами! Инна это помнила точно. Несколько часов назад она остановилась в этом месте именно потому, что здесь не было бурелома, а мягкая зеленая трава была не столь высока, чтобы мешать стоять. Она стояла очень долго, размышляя о своем решении уйти из жизни, а когда ее ноги затекли, и ей инстинктивно захотелось поменять позу, она обнаружила, что влипла. В буквальном смысле.

Мысли вихрем закружились в ней, над ней, вокруг нее. Она даже не могла сообразить, о чем думать. «*Что* думать? Что такое? Что случилось?.. Как? Почему?!.. Мама, мамочка...»

Мама?..

Инна на миг забыла о пугающем круге под ногами. Перед нею вдруг четко встал образ ее матери. Матери, к которой она всегда испытывала нежную любовь и жгучую ненависть одновременно.

Накануне Нового 1964 года 2 «а» класс бурно обсуждал предстоящий утренник в школе. Самой важной темой для девочек, естественно, были новогодние костюмы. Анжелочка (как и положено было быть самой красивой белокурой и голубоглазой девочке в классе) готовилась к роли Снегурочки. Азочка с удивительно огромными черными глазами и огненно-рыжими волосами с восторгом расписывала костюм лисички, которую шила ей мама, портниха-мастерица. Причем, хвост предполагался в костюме настоящий, от настоящей лисы («папа на охоте убил живую лису, а хвост отдал мне»). Галочка... Людочка... Еще одна Галочка... У всех мамы шили костюмы, и все они взахлеб расписывали мельчайшие детали. Взахлеб, перебивая друг друга, подскакивая с мест, изображая в лицах и позах своих «костюмочных» героев...

Я смотрела на них во все глаза. Живо представляла себе образы, сами костюмы. Я с восхищением только и успевала поворачиваться от одной девчонки к другой.

Со всех сторон неслоь: «А моя мама... а мой папа...». Я знала абсолютно точно, что мне никакого костюма никто никогда не сошьет, но я настолько была захвачена общим

ажитожем и настолько прониклась атмосферой всеобщего праздника, что неожиданно для себя вскочила на парту и, перекрикивая всех, выпалила:

– Слушайте! Слушайте! А мне моя мама...

В мгновенно наступившей тишине меня оборвал презрительный голос Риты:

– А твоя мама – шлюха! И ничего она тебе не сошьет. И папы у тебя нет!

Я стояла на парте, когда услышала эти слова. И больше я ничего не видела и не слышала. Я очнулась от визга, вопля, топота ног и хлопанья двери. Кто-то тянул меня сзади. Я же сжимала в кулаках окровавленный клочок волос Риты, которая почему-то с закрытыми глазами медленно сползала по стене вниз и тащила меня за собой. По ее лицу стекали струйки крови. Она была намного выше и крупнее меня. И ухоженнее. Намного. Но сейчас она была какой-то грязной, помятой, лохматой, и на месте уха у нее висели какие-то обрывки чего-то необъяснимо-непонятного, с которых тоже стекала кровь. С клочьями окровавленных волос в руках, с куском чего-то неприятного на вкус в зубах я начала ози-

раться вокруг себя и, оттолкнув от себя уже окончательно свалившуюся на пол Риту, начала медленно подниматься. Одноклассники в ужасе шарахнулись от меня.

В истерике взвилась Олечка, пытаясь объяснить классной руководительнице ситуацию:

– Она на нее прыгнула прямо со стола... потом била головой об стену... и ухо откусила... она ее хотела убить... она сама сказала, что убьет ее... но она не виновата, она не виновата... ой, мамочка, я хочу к маме... это Рита дура, она сказала, что у Инки мама – шлюха...

Вой сирены «скорой», всхлипывания, рыдания девочек, окрики учителей...

Для меня все слилось в одно мутное на слух и зрение пятно. Меня почти волоком притащили в кабинет директора. Открылась дверь, и вошла моя мама, самая красивая и самая одинокая мама в мире. Она молча выслушала директора. Она ни слова не произнесла, пока говорила классная руководительница. Она ничего не сказала мне, когда, схватив меня за руку, вышла из кабинета директора. И, только переступив порог школьного двора, вырвала свою руку из мо-

ей и ударила меня по лицу. После этого она говорила долго и много. И всю дорогу домой (эту самую длинную дорогу в моей жизни) она то и дело била меня по лицу, по затылку и, вообще, – куда попадет. При этом подкрепляла свои удары словами: «Не доросла еще, чтобы лезть в дела взрослых, поняла меня?», «Не твое дело, как я живу, ты поняла меня?», «Никогда не лезь в мою жизнь, поняла меня!».

А дома нас ждал отчим. Он выслушал маму, потом снял ремень и начал стегать меня. Тоже – куда попадет. При этом он методично приговаривал: «Я давно говорил, что тебя придушить мало. Значит, мама твоя – шлюха? Ты *это* всем хочешь доказать? Я из тебя дурь выбью!»...

В этот день я не выдавила из себя ни слова. Хотя четыре слова сплошным набатом гудели в моей голове: «*Мамаяже-тебязацищала!*».

Спустя несколько дней я возвращалась со школы домой. Я шла по узкому переулку и дошла почти до его середины, когда из-за угла вывернула мать Риты и стремительно ринулась мне навстречу. Бежать назад не было смысла. Я обреченно остановилась, предчувствуя боль. Она налетела на меня вихрем, схватила за волосы и начала бить головой о стену. Ко-

гда я медленно сползла на землю, она еще некоторое время пинала меня ногой по лицу, животу (как повелось у взрослых – куда попало), а потом встала на меня обеими ногами и потопталась, словно хотела утрамбовать, сравнять меня с землей. Боли я уже не чувствовала. Очнулась уже в темноте. С трудом добрела до дома. Вышедшая навстречу мне моя мама схватила меня за шиворот и втокнула к отчиму:

– Полюбуйся на эту свинью! Только вчера постирала ей все. Опять вывалялась где-то.

Отчим с нескрываемым удовольствием начал расстегивать свой ремень. Но мне уже было все равно. Я уже была одна большая сплошная боль. Я уже привыкла, что никто меня никогда не слушает. Я уже привыкла, что меня надо просто бить. Я уже привыкла, что всегда во всем виновата я.

А потому его удары, свист ремня, грязная ругань не воспринимались мною ни физически, ни психически. Я только смертельно хотела спать.

И, только добравшись до постели, я зажмуривала глаза и шептала про себя: «Ничего, вот скоро придет МОЯМА-МА, я ей все расскажу, и она тоже заступится за меня и во-

обще убьет эту Ритыну мать и этого отчима – тоже. И костюм сошьет тоже. Самый лучший. Скоро она придет. Все равно она когда-нибудь придет. Просто ее сейчас нет дома...».

...Мама умерла давно. Инна уже сама давно была мамой. Но долгими бессонными ночами ей снилась ее мама, ее самая прекрасная, самая одинокая мама на свете. И Инна по-прежнему ждала: вот скоро, уже совсем скоро к ней придет ее мама, и она ей расскажет, как было на самом деле в те предновогодние дни такого далекого и такого близкого 1964 года...

Инна вздрогнула от шороха. Она всматривалась в лесную чащу и пыталась понять, показалось ей или на самом деле перед ней стояла женщина, которая только что скрылась за деревьями в кустарниках. И была ли эта женщина ее матерью? Боже, что все это значит? Почему так невыносимо болят ноги? Так хочется поменять позу. Или присесть. Да, именно, присесть. Как она раньше не догадалась?! Надо перестать пытаться выбраться из этого чертового круга. Надо просто присесть и отдохнуть. А потом...

Инна резко присела и опять на долю секунды потеряла сознание. Острая боль пронзила все ее тело. Она опять не могла понять, что произошло. Колени ее не согнулись! Колени не подчинились ей. Они не хотели сгибаться. Странное чувство охватило Инну. Какое-то состояние небытия. Она хоте-

ла сесть — и не могла сесть. Как такое вообще может быть? Она опять посмотрела на ноги, и истошный вопль ужаса вырвался из ее груди: жижа поглотила ее ноги ровно по колено. Она отчетливо чувствовала под ступнями твердую землю, и тем не менее она продолжала погружаться. Вместе с землей? Колени, колени... Эта невыносимая боль в суставах. Она уже испытывала когда-то эту боль... Или... нет, это была не ее боль. От боли кричал Аркашка, ее сын. А она... О, Боже, нет! нет! нет!.. Что он думал тогда? Что хотел ей сказать? Как он жил? Как он вообще мог жить?!..

И с этого момента Аркаша решил молчать. Хотя нечленораздельные звуки, которыми он до сих пор изъяснялся с окружающими, едва ли можно было назвать его разговором, но – тем не менее. Он твердо решил молчать, а это означало, что с этого момента он больше не будет даже мычать. Да, именно так называла его разговорную речь она – Ма. Ма, на которой замыкалось все его познание о людях, ибо, кроме Ма, никто не заходил в его комнату. Весь остальной мир оставался для него лишь плодом его больного воображения, а образы людей, которые постоянно колготились за плотно закрытой, а в последнее время и запертой на ключ дверью его комнаты, были прообразом его Ма. А потому, когда однажды к нему заглянул незнакомый мужчина, Аркаша был настолько потрясен несхожестью его облика с образом Ма, что в буквальном смысле потерял сознание, не сумев объяснить себе, что же это было.

Это было так давно; на его окно уже несколько раз после этого осыпались кружева снежинок, а вслед за ними сквозь мутные оконные стекла много-много раз пытались заглянуть в его комнату нежно-зеленые листья деревьев, которые затем становились золотисто-желтыми и вместе со сверкающими на солнце серебристыми паутинками улетали ввысь, в беско-

нечно далекое изумрудно-синее небо.

После этого случая Ма вставила замок на его двери, и больше Аркаша никого не видел. Только голоса, только звуки.

О-о-о, эти звуки!.. Они повторялись с периодической последовательностью и сопровождались с ума сводящей агонией чувств, которые вызывали при этом. Испытывая эти чувства миллион и более раз, Аркаша научился классифицировать их по системе, доступной только его уровню мировосприятия.

Розовые всполохи за окном – быстрый цокот каблучков по дощатому полу, легкое позвякивание посуды, приглушенный шум воды в ванной и на кухне: Ма проснулась. Ей хорошо. Скоро она уйдет куда-то из дома. Это повторяется каждый день.

Малиновые всполохи или свинцово-багровые тучи за окном – клац-клац – и следом хлюпанье входной двери, размеренный, тяжелый перестук каблучков по дому: Ма устала. Она всегда приходит такая о т т у д а, куда уходит каждое утро. Спустя некоторое время – тяжелый грохот в коридоре, возбужденные голоса и – бах-ах! – входная дверь открывается и закрывается. После этого Ма бывает хорошо. А иногда,

а может быть, даже чаще – плохо. После долгих разговоров, после звяканья посуды все уходят, и Ма ложится спать, и тогда до утра тишина прерывается лишь редкими сигналами автомобилей за окном. Но иногда к т о – т о остается, и тогда для Аркаши наступают самые тяжелые минуты жизни. Минуты, которые Аркаша переживает тяжелее, чем постоянное ощущение голода, которое лишь иногда Ма перебивает тарелкой супа или поджаренной котлетой с картофельным пюре.

Эти звуки... Из всех звуков, которые слышал Аркаша за свою бесконечно долгую жизнь, э т и з в у к и не поддавались никакому разумному объяснению его больного мозга и его плоти, истерзанной вечной болью по имени полиомиелит. Все начиналось с приглушенного стога Ма и невнятного бормотания чужого голоса, непохожего на голос Ма (этот голос почему-то напоминал Аркаше его собственное мычание). Затем этот голос начинал полувопросительно-полуутвердительно что-то восклицать, и Ма начинала вскрикивать, всхлипывать и что-то быстро-быстро приговаривать. Вскоре все эти всхлипывания, стоны и отдельные возгласы заглушались ритмичным скрипом деревянной кровати. И именно этот скрип загонял в душу Аркаши необъяснимое смятение, буйство чувств, которое пугало и заставляло ликовать его одновременно, ибо этот скрип был предвестником необъяснимого сладострастия, разливающегося по всему те-

лу. Много раз Аркаша пытался удержать в себе это состояние, продлить или вызвать его самолично в долгие часы ожидания Ма, но оно не подчинялось его воле; никогда не приходило само без скрипа кровати и заканчивалось всегда одновременно с криком Ма упругим выплеском тепловато-липкой жидкости промеж ног. Иногда он ненавидел за это Ма. Но чаще он был ей благодарен за эти минуты физического блаженства, сопряженного с необъяснимым чувством страха и душевного терзания. Не понимая сути происходящего, он почему-то был уверен, Ма накажет его за это. И в те редкие минуты, когда она заходила к нему, Аркаша неимоверным усилием воли подавлял в себе желание задать ей один-единственный вопрос: «Ма! Скажи, что ЭТО было? Когда ЭТО происходит с тобой, тебе хорошо или плохо?», ибо, научившись определять по звукам состояние Ма, в этом случае он не мог сказать себе, хорошо или плохо ей от ЭТОГО.

В один из дней, когда Ма уже пришла, в дверь раздался стук, который заставил Аркашу напрячь внимание, ибо, обычно поговорив с теми, кто стучал в дверь, а не с шумом врывался, Ма чувствовала себя очень плохо. Обычно пришедшие говорили очень тихо, а Ма истерически кричала им что-то в ответ. И из общей какофонии звуков больной

мозг и обостренный слух Аркаши выхватывал лишь отдельные слова и обрывки фраз, которые в течение разговора повторялись чаще всех других слов. «Постановлением суда...», «... а плевать я хотела!», «судебный пристав», «интернат», «не отдам!». В последней же беседе зазвучали два новых слова, которые были самыми часто повторяющимися – «милиция» и «принудительно», смысл которых так и остался недоступным пониманию Аркаши.

После их ухода (который едва ли можно было назвать добровольным, так как Ма, сопровождая свои действия грязным матом, вытолкала их за дверь) Ма надрывно-тонко завыла, причитая: «За что, Господи!!! За что ты меня так наказал?». Из всего произошедшего Аркаша сделал единственный вывод: Ма не принесет ему поесть и сегодня. Ма сегодня не до него.

Однако, спустя некоторое время, в дверь опять постучали, и Ма, открыв дверь, тут же захлопнула ее, истерически заверещав при этом: «Нет! Нет! О, Господи! Нет!!!». И почти сразу же кинулась в комнату Аркаши, заперев его дверь изнутри на ключ.

Грязные разводы на окнах. Тусклое солнце отражается

в зеркале матовым пятном. Аркаша поворачивает голову к двери и сжимается весь. В радужных кругах смутным расплывчатым пятном движется к нему Ма. Аркаша закрывает глаза. Круги не исчезают, теперь они ярче, пронзительнее. Рука Аркаши невольно дергается, когда к ней прикасается рука Ма. И вслед за этим комната наполняется густым протяжным воем. Аркаша вздрагивает, он знает, что этот звук исходит из глубины его души. Время от времени из темноты сквозь светящиеся точки появляется лицо Ма. Она протягивает руки к его полусогнутой ноге, и Аркаша чувствует, как из его груди вырывается нечто почти материальное и тяжелым басом забивается в углы комнаты. Аркаша открывает глаза, смотрит на Ма и громко умоляет не трогать его. Но вместо слов раздается лишь приглушенное «м... мм... ммм...».

В дверь стучат чем-то тяжелым. Аркаша слышит, как Ма приговаривает, не переставая тянуть его за ногу:

– А вот я выпрямлю ему ноги, и вы увидите, что он такой же, как и все, и никакой интернат ему не нужен.

Стук не прекращается. Аркаша захлебывается, задыхается от боли, крика и слов, которые забились под язык и перекрывают горло.

Раздается оглушительный треск и грохот; что-то тяжелое и большое падает на пол, сотрясая при этом весь дом, и в это же мгновение Аркаша слышит, как из матери исходит протяжно-истерический вопль, и она всем телом бросается на него, крича: «Не отдам! Убью сама, но не отдам!!!»

Аркаша не успевает хлебнуть воздуха; боль от ноги и страх от непонимания происходящего заполняют его, мощной волной вытесняя из него плоть и дух его.

Темнота проваливается куда-то вниз, а вместе с ней стремительно гаснут светящиеся круги и точки.

«Ну, вот и хорошо», – с облегчением подумал Аркаша.

Возможно всё – и даже невозможное. Храните молчание.

Инна судорожно вздохнула. Полуденное солнце, казалось, вонзилось своими лучами прямо в мозг, и думать, рассуждать и осознавать реальность становилось все более и более невозможным. Болело всё: каждая клеточка души и каждая клеточка тела. Болело отдельно и всё вместе одновременно. Инна уже не пыталась как-то осмыслить ситуацию. Воля к жизни, панический страх перед смертью отступили; ведь она и пришла-то на это место с единственной целью – уйти из жизни. Она просто отпустила свои мысли на самотек и безвольно плыла по волнам своей памяти, стараясь воспоминаниями хоть как-то заглушить боль в теле. Боль, которая резко обострялась в той части тела, до которой добиралась, поглощая, всасывая в себя, вязкая жижа. Добираясь до определенного уровня тела, эта жижа причиняла ей пронзительно острую боль, словно каким-то необъяснимым образом пыталась напомнить ей о тех эпизодах жизни, которые были связаны с болью именно в этой части тела. Словно НЕКТО предлагал ей заново пережить (переосмыслить?) те моменты жизни, которые, возможно, и предопределили ее судьбу, подвели к финишной черте под названием «суицид». А потому, когда жгучая боль медленно стала втекать, вползать в ее лоно, Инна уже знала, о чем поведет речь ее невидимый собеседник...

На третьем курсе медучилища производственную практику Инне пришлось проходить в маленькой сельской больнице в гинекологическом отделении. Вся ее практика заключалась в обычной работе уборщицы-санитарки: помыть, почистить крохотный абортарий с единственным скособочившимся креслом, сдать больничной прачке использованные простыни и пеленки (забрать чистые) и присутствовать на операциях по искусственному прерыванию беременности (абортах, то есть). И если первые женщины, идущие на аборт, вызывали у нее скрытый внутренний протест, то уже через неделю Инна просто с интересом наблюдала за процессом «чистки» (так называли аборт все женщины). Таким образом, очень скоро она в принципе знала весь процесс и, как ей казалось, самостоятельно могла бы избавить любую женщину от нежелательной беременности. Но Инна никак не могла предположить, что слово «самоаборт» обретет для нее особый, личностный смысл.

Признаки беременности полностью проявились к концу практики. Инна восприняла этот факт без особой паники, равно как и без радости. К перспективе иметь собственного ребенка она относилась резко отрицательно. Она просто знала: этого не должно быть. Пока. А потому она приняла

единственно верное (по ее размышлению) решение: аборт. А поскольку не собиралась никому раскрывать свою тайну, которая касалась только ее, то она решила сделать несложную (как ей казалось) операцию самостоятельно и – в гордом одиночестве.

В этот день Инна, как и положено, осталась после ухода врачей, медсестер и принялась за привычную уборку. Затем, убедившись в том, что кроме дежурной медсестры никого не осталось, она заперлась в абортарии, плотно задернула шторы, приготовила инструменты и взобралась на кресло. Она много раз видела, как это делала врач-гинеколог, а потому запомнила каждое ее движение, каждую последовательность ее действий.

Первое. Расставить ноги, а точнее, подвесить их на две нелепые рогатины по краям кресла и привязать их к ним бинтами (чтобы не дергались). Наркоз, естественно, противопоказан, так как разум должен быть ясным. Боль? Да она родилась с этой вечной болью. Состояние боли – это самое обычное (нормальное) ее состояние. Так что, анестезия напрочь отменяется. Анестезия – для маменькиных дочек, а Инна... Инна...

Да, во-вторых, надо точно отобрать и держать в руках необходимые инструменты. Инна уверена, что от боли или

от вида крови она не потеряет сознание, но все же, чтобы не терять лишнее время.

Ну, вот и можно начинать. Ведь значения никакого не имеет, от кого она беременна. Это такое противное состояние... Это уже во второй раз в ее жизни, а потому она точно знает: от кого бы то ни было, рожать ребенка она не будет. Пока.

Ну, вот и ввела гинекологическое зеркало во влагалище. Ничего страшного. А, может, его не надо было вводить? Ведь смотреть-то ТУДА все равно некому. Ну, да ладно, ввела, так ввела. По крайней мере, это совсем не больно, а, значит, не помешает. Да, точно, не помешает, а наоборот, – потому как проход к матке освобождает. Да, а дальше надо протыкать. Чем? и что?..

Инна почувствовала какое-то жжение в глазах и поняла, что вытаращенные в потолок глаза ее так и норовят выползти из орбит. «Боже, я же еще ничего не сделала, неужели я боюсь?! Надо просто проткнуть *там* внутри *что-то* и начать выскабливать внутренность матки. Я это видела сто раз. Я это запомнила. Я это знаю. Я это смогу».

Я ЭТО СДЕЛАЮ!!!

Ей все же пришлось сесть, чтобы дотянуться рукой до промежности. Подвязанные ноги мешали невероятно. Инна развязала их, согнула в коленях и подобрала под себя. Она восседала в позе лотоса на гинекологическом кресле, словно готовилась совершить какой-то таинственный обряд. В одной руке она сжимала инструмент, который был миниатюрной копией столового черпачка. Вот только края его были заточены, словно лезвие ножа. Этим черпачком и производилась вся ручная чистка матки. Другой рукой она поддерживала край зеркала, который торчал у выхода во влагалище. Сидеть приходилось очень прямо, ибо трубка зеркала при малейшем движении тела причиняла боль. Вскоре Инна поняла, что просто физически не может наклониться и с отчаянием осмотрелась вокруг. Затем она враскарячку сползла с кресла, встала рядом, подставила между ног табуретку и опять попыталась наклониться. Боль от зеркала опять не позволила ей сделать это. Тогда Инна быстро открутила крепление на зеркале и резким движением левой руки вырвала его из влагалища. И почти тут же, широко расставив ноги, почти присев на корточки, правой рукой она воткнула себе во влагалище черпачок и, почувствовав его металлическую поверхность всем нутром, начала делать соскребающие движения. Она помнила только одно: отодрав плод в полости матки, надо все месиво вытащить наружу, что-

[illegible]

Инне казалось, что кипяток хлещет из всех дыр и отверстий не только в ней, но и во всем помещении, во всей Вселенной, и теперь вокруг нее сплошное бурлящее месиво из крови, плоти, мочи и кала, ибо все, что моглолиться, полилось из нее одновременно. Еще и еще раз. Инна с тихим завыванием словно золотым ключиком проворачивала в себе непереносимо горячий черпачок и тут же вытаскивала его наружу, таща за собой все непотребное содержание своей матки, изнасилованной, изуродованной теперь уже собственной рукой. Теперь уже сухой огонь полыхал внутри нее. Треск огня, шипение, шкворчание, искры, всполохи... – нет, уже не больно. Совсем не больно. Совсем ничего... Вот только вытащить этот гребаный черпак из... из этой самой гребаной... чего им надо от меня, чего они все хотят... рожать нельзя... Нельзя... Ребенок не нужен... Первый был не нужен... и второй... пока... не нужен...

Уже в беспамятстве Инна свалилась на бочок рядом с тазиком, инстинктивно свернулась клубочком, уткнулась подбородком в колени и тихо-тихо, почти шепотом, почти про себя начала напевать: «А маленькая мама качает малыша...». Это было так давно. Господи, она была такая глу-

пая... А теперь она такая самостоятельная. Она уже совсем взрослая... Ей уже почти двадцать. И она сама избавила себя и своего несуществующего ребенка от невозможной тяжести бытия. В первый раз ей это и в голову не пришло. В тот первый раз она верила, что ребенок имеет право на жизнь в этой жизни, а потому дала ему возможность появиться на свет...

Ей было четырнадцать лет. А ему – около пятидесяти. Он приезжал к маме, и мама сияла от счастья. Порхала по дому, доставая из стенки новую посуду и хрустальные фужеры, и выглядела при этом на все двадцать.

Они сидели вчетвером за уютным столиком на кухне и сердце Инны замирало, когда Он смотрел на нее. Это было очень редко – в основном Он смотрел на маму. А мама – на него. И оба при этом были счастливы. А Инна сгорала от угрызений совести, от любви к нему и от жалости к отчиму, который ни о чем не догадывался. Или не хотел догадываться?

Однажды Он пришел, когда мамы и отчима не было дома. И Инна засияла от счастья. Она порхала по дому, доставая из стенки новую посуду и хрустальные фужеры, и выглядела

при этом на все... двадцать. Они сидели вдвоем за уютным столиком на кухне, и сердце Инны замерло, когда он посмотрел на нее...

...Он ушел очень быстро. Инна даже не успела одеться.

С блуждающей улыбкой она убрала посуду в стенку, тщательно заправила постель и включила телевизор.

Прошла весна. Закончилось безмятежное лето.

Они встречались каждый день и приезжали домой поздно вечером. Мама еще больше сияла от счастья и радовалась, то он подвез Инну «с дискотеки», «от подруги», «из библиотеки»...

Они опять садились все вчетвером за уютный столик на кухне: мама, отчим, Инна и Он – друг отчима. И вновь сердце Инны замирало. Но уже не от любви к нему и жалости к отчиму. Она уже почти ненавидела «своих тупых» родителей и лицемерного, подлого друга отчима.

Она ненавидела всех. И себя – тоже. Ей было четырнадцать лет.

В конце первой четверти Инна неожиданно для себя упала в обморок на уроке физкультуры. А когда поднялась, почувствовала неодолимую тошноту и выбежала из зала. Ее вырвало, но облегчения она не почувствовала. Наоборот. Смутная тревога подползла к горлу и перехватила дыхание. Она вспомнила своих одноклассниц, корчивших из себя взрослых и «опытных» и смотревших на нее с чувством превосходства: «Смотри, таких тихушниц, как ты, трахают без предупреждения. „Залетишь“ с первого раза».

После недельных мучений она попалась матери с «поличным». Сидя в обнимку с унитазом, Инна умывалась горькими слезами. Мама только спросила: «Кто?». И Инна коротко ответила: «Он».

Врач лишь покачал головой: «Поздно. Никакого аборта».

Мама отправила Инну в другой город к своей дальней родственнице, пообещав той забрать Инну из роддома. Отчиму было достаточно простого объяснения, что родственница нуждается в уходе после болезни.

Роды прошли на удивление всем врачам легко. Малыш открыл одновременно глаза и рот и громко заплакал. Сердце Инны в очередной раз замерло...

На седьмые сутки мать приехала в роддом за ней. Инна долго молчала и хмуро смотрела на нее. Потом медленно произнесла:

– Я пацана не оставляю в больнице. Если ты будешь возражать, я скажу отчиму, кто отец ребенка. И про тебя – тоже. А так – я скажу, что была в компании и не знаю, от кого залетела. Мы поедем не к тетке, а домой. Я начну работать и сама прокормлю и себя, и пацана. Если будешь мне мешать...

С тяжелым сердцем мать забрала Инну с сыном из роддома и привезла домой.

К их большой неожиданности отчим был уже дома, и мать уговорила Инну посидеть в сарае, пока она «морально подготавливает» отчима.

Инна устроилась на сеновале. Малыш мирно посапывал. Инна уткнулась носом в одеяльце и неожиданно начала про

себя напевать: «А маленькая мама теперь совсем одна»...

Она очнулась от недовольного кряхтения малыша. Открыла глаза и... ничего не увидела. В сарае была абсолютная тьма. Мрачный зимний вечер стремительно перешел в темную ночь, и Инна забеспокоилась: почему так долго не мамы? Нестерпимо хотелось есть, а окоченевшие руки почти не слушались ее.

Она осторожно положила малыша на сено и вышла из сарая. Крадучись обошла угол дома и заглянула в окно кухни. В первый миг ей показалось, что ей мерещится несусветная чушь. Но, справившись с липкой, вязкой волной обморока, она подошла вплотную к окну.

Они сидели вдвоем за уютным столиком на кухне: мама, отчим и Он. Он смотрел на маму любящими глазами, а мама сияла от счастья. А отчим... а отчим...

Инна вздрогнула, услышав крик младенца. Она никак не могла оторвать взгляд от счастливого лица матери. Затем медленно обогнула угол дома, вошла в сарай, взяла малыша на руки и начала сосредоточенно укачивать его. Малыш не унимался. «Тихо-тихо-тихо...», – пробормотала она и стала разворачивать его. От холода малыш закричал еще сильнее. Инна внимательно оглянулась вокруг, но, ничего,

кроме сена и сырых стен не увидев, взяла малыша за обе ножки и подошла к стене. Малыш на секунду захлебнулся в крике и вдруг истошно завопил, словно поняв намерения своей маленькой мамы. Инна размахнулась и ударила младенца головой об стену. Еще и еще раз. Плач оборвался и чудовищным лоскутом воздуха почти зримо, ощутимо повис в углу сарая.

...Когда раздался стук входной двери, все трое разом повернули головы в немом ожидании. Вопрос отчима: «Кто там?» повис в воздухе, как и последний крик младенца.

На пороге стояла Инна в окровавленной курточке с окровавленным лицом и, одной рукой держась за голову, другой волочила за собой кровавый кусок мяса, очень отдаленно напоминавший растерзанную детскую куклу...

Инна открыла глаза. Нет, она не спала. Просто какое-то состояние небытия. Просто откат по времени. Она вспомнила, как в тот далекий день, упав в обморок в абортарии, она очнулась в реанимационной палате. Суда ей удалось избежать по милости врача-гинеколога (ее вызвала дежурная медсестра), которая взяла всю вину на себя и представила ситуацию как неудачную свою работу, за что была уволена с работы. Инна была ей очень благодарна и дала себе клятву: если после всего случившегося Бог все же помилует ей еще раз ребенка, она родит его при любых обстоятельствах и сделает все, чтобы воспитать его. Таким образом, через несколько лет родился Аркашка, который прожил на этом свете всего девять лет. Она очень переживала его смерть, поскольку Аркашка, по сути, был ее первым ребенком (настоящим? живым?). Первым – и последним. И любила она его по-своему, осознавая, что он для нее – и награда, и кара за ее собственную жизнь. Ведь, говорят, что за все грехи родителей наказание получают их дети.

После смерти Аркашки в ее жизнь ворвался Ян. Она думала – это СЧАСТЬЕ. Но спустя десять лет жизни рядом с ним (параллельно с ним) поняла, что это логический неизбежный смертный ПРИГОВОР ей свыше.

Ян был женат уже тринадцать лет. После опыта общения с отцом своего первого малыша (да, она была тогда еще совсем ребенком, но все же...) Инна избегала женатых, семейных мужчин. Перспектива любовницы (вечный опыт матери, который был всегда перед ее глазами и который она поклялась не перенимать) изначально убивала в ней волю к жизни. Но Ян сумел убедить ее в том, что семьи у него фактически давно уже нет, а живет он с женой исключительно из-за несовершеннолетних детей. «Как только Денис (младший сын) закончит школу и уедет поступать, я порога дома не переступлю, где будет эта тупость ходячая (жена). Потерпи пять лет, и мы будем вместе. Ты же умница», – вдохновенно говорил Ян.

Однако шли годы. Старшая дочь Лера уехала из дома, уехал и Денис... Вот уже Лера вышла замуж, а Денис уже заканчивал военную академию, а Ян находил новые причины (сверхубедительные), которые не позволяли ему уйти от жены. В год окончания школы сыном Ян получил новое назначение в другой город. Инна рыдала, предчувствуя расставание. Он обнимал ее, целовал в мокрые от слез глаза и клялся: «Я даю тебе слово офицера – на новое место я перееду только с тобой».

Через год, получив новую квартиру, он увез туда жену.

И вновь рыдающей Инне он обещал: «Я буду приезжать к тебе. Это же ерунда. Я люблю тебя. Здесь по городу к тебе десять минут езды, а оттуда – всего двадцать минут. Это не расстояние. Мы будем вместе все время...»

И опять шли годы. И он по-прежнему приезжал к Инне через день-каждый день. На час. На два. Проведя их в любовной агонии, удовлетворенный, он начинал озабоченно собираться:

– Зайка, поеду я. Надо. Так надо. Ты же умница, Ты же понимаешь меня? А завтра я опять приеду...

– Я не хочу, чтобы ты уезжал! Я хочу, чтобы мы жили вместе...

– Это невозможно, рыбка. Пока.

– А когда?!..

– Не лезь, я сам знаю. Очень много обстоятельств, которые мы должны учитывать. Ты же доверяешь мне? Я скажу тебе, когда подойдет время...

Но после десяти лет их тайной связи Ян перестал добавлять это обнадеживающее слово «пока». Более того. Во вре-

мя очередной ссоры из-за его уезда на прямой вопрос Инны: «Мы будем мужем и женой?» он ответил: «Нет».

Инна только и сумела выдать из себя:

– Почему?

– Потому, – насколько лаконично, настолько и цинично ответил Ян.

– Но ты же обещал... – просто потому, что надо было хоть что-то сказать, произнесла Инна, хотя отчетливо осознавала, что этой фразой бесконечно унижает, оскорбляет себя (в который раз?).

– Я тебе ничего никогда не обещал, – отрезал Ян. – Фантазия у тебя буйная, тебе вечно слышится то, чего не было сказано. Не говорил я тебе, что женюсь на тебе. Я, что, похож на дурака, обещать такие вещи? О женитьбе никогда речи не было и быть не могло! Так что ты свои фантазии и желания укроти и не навязывай никому. Не устраивает тебя, чтобы я приезжал, значит, давай поставим на этом точку. Расстанемся раз и навсегда! А приезжать к тебе, чтобы поскорбеть, пострадать с тобой... Оно мне надо? У меня проблем и без тебя хватает! Море проблем.

– Но ведь я – тоже твоя проблема? – Инна уже не плакала.

– Нет уж, дорогая, ты как-нибудь давай сама справляйся со своим характером и своими проблемами. Без меня. А я уже сыт по горло. Хватит, наелся – дальше некуда. И вообще, пора остепениться. Посмотри, я уже седой, лысый. Хватит, нагулялся, пора и честь знать. Я скоро уже дедом стану. Однозначно. Дочку замуж отдал...

– Так, значит, ты все это время просто гулял со мной?.. Как кобель? С сучкой? Ты это хотел сказать?

– Да не прикидывайся ты наивной душой. И не переиначивай мои слова. Я сказал только то, что сказал. Ты что, всерьез можешь допустить себе мысль, что я ради тебя брошу семью?! Короче, хватит сопли на кулак наматывать. У меня свои проблемы. У тебя – свои. Все.

– Нет.

– Что – нет?!

Инна не смотрела на него. Она вообще никуда не смотрела. Она сидела как изваяние, и казавшиеся пустыми глазницы ее словно только что лишились глазных яблок. Бесцветным голосом, без интонации она прошептала:

– Мои проблемы – это твои проблемы. А еще точнее: я – твоя проблема. Больше у тебя проблем нет.

– Что ты мелешь?! – почти сорвался на фальцет Ян.

– Я думала,.. я верила,.. что ты любишь меня. Я думала, это – ЛЮБОВЬ. Ты меня неправильно понял. Ты меня вообще неправильно воспринимал все эти годы. Я думала, это – ЛЮБОВЬ. Ты совсем меня не знаешь. Я – твоя ПРОБЛЕМА.

– Да о чем ты?!..

– Ты, правда, не понимаешь, о чем я? – Инна внимательно рассматривала Яна, словно видела его в первый раз. Теперь уже она смотрела на него вполне осмысленным взглядом. Ни слез, ни боли, ни озлобленности не было ни в голосе, ни в выражении ее лица. Она вышла из машины, аккуратно захлопнула дверь и уже на ходу пробормотала:

– *Если я уйду из твоей жизни, ты уйдешь из жизни вообще.*

Лизу били все

Особенно изощрялся и преуспевал в этом доморощенном виде боевого искусства Славик. Лиза молча переносила побои. Молча вытирала горячие слезы, смешанные с кровью, судорожно хватала ртом воздух и почти с благоговением заглядывала Славику в глаза. Лиза твердо знала, что скоро она выйдет замуж и станет женой, а все жены для того существуют, чтобы мужа их били. В умении достойно переносить физическую боль она видела свое предназначение.

Правда, Славик не был ее мужем, но ведь и он когда-нибудь женится, и у него будет жена, которую надо будет бить. А как же он будет ее бить, если не научится делать это до женитьбы?

Лиза была дура. А Славик был ее брат.

Лиза всегда все знала наперед. Вот только окружающие все смеялись над ее даром предвидения и никогда не воспринимали ее пророчества всерьез. А Лиза просто сочувствовала им всем и молча страдала, так как знала: если бы они

прислушивались к ее словам, многие беды и несчастья наверняка можно было предотвратить. Лишь однажды соседская бабка, похоронив свою трагически погибшую внучку, вспомнила, что за несколько дней до трагедии Лиза просила не отпускать девочку на речку. Однако хуторяне сделали однозначный вывод: накаркала! Наказать!

И Лизу снова били. Долго, методично, всем хутором; чтобы беду не кликала.

Лиза плакала и, прикрывая лицо худыми руками, продолжала жалеть этих людей, которым она всегда желала добра.

В один из теплых солнечных дней на хутор приехал важный господин. Все называли его дядей Висей. Лиза знала, что приехал он вовсе не к своим родственникам, как все предполагали. Родственники были в данном случае лишь завесой. И, возможно, даже сам господин был уверен, что приехал проведать свою больную тетюшку. Но Лиза знала, что приехал он с одной-единственной целью: он приехал за Лизой. А потому уедет он не один. Вместе с ним из хутора уедет она, Лиза. Навсегда.

Так оно и случилось.

Прошла неделя, и весь хутор вышел провожать дядю Висю. Лиза стояла в толпе с маленькой котомочкой своих пожитков и волновалась как никогда; ведь ей предстояло уехать с ним, а никто даже и не догадывался. Дядя Вися растроганно обнимался и пожимал всем руки. Наконец он подошел к Лизе и на какое-то мгновение замер, словно пытался что-то вспомнить. Затем он обернулся ко всем и, не столь вопрошая, сколь прося помощи, произнес:

– Кто это?!..

– Да это наша дура, – почти с гордостью ответили хуторяне, всячески демонстрируя при этом свое превосходство над ней; кто-то скорчил рожу, изображая, насколько она дура, кто-то презрительно сплюнул ей под ноги. Но основная масса начала незамедлительно награждать ее тумаками да тычками – для пущей убедительности.

– Кто твои родители? – спросил дядя Вися.

Польщенные столь особым вниманием к своей персоне родители выступили вперед. Разговор между ними состоялся короткий. Дядя Вися сказал, что Лиза уже взрослая и вполне может зарабатывать деньги для семьи. И если родители отпускают ее в город, то он, дядя Вися, позаботится

о ней.

– Но самое главное, – подвел черту дядя Вися, – есть у меня хороший парень, работающий. Но дурак. Я так думаю, они друг другу понравятся. Девка ваша, видать, трудолюбивая тоже. Лучшей пары ей не сыскать. Пусть не только работают, но и людьми себя почувствуют.

И Лиза покинула хутор. Навсегда.

На рассвете второго дня подвода с Лизой и дядей Висей подъехала к воротам добротно сложенного из самана дома. Почти сразу же из ворот выглянул огромный верзила с блаженной улыбкой на лице.

– Афанасий, – крикнул господин, – ну-ка, посмотри, какую я тебе жену-красавицу привез!

Ликующий возглас вырвался из груди верзилы, когда он подошел к Лизе. Протянув огромную ручищу, он нежно, словно ребенка, погладил смущенно-растерянную девушку по голове и ласково спросил:

– Ты, правда, моя жена?

– Да, – просто ответила Лиза и всем телом потянулась к нему. – Теперь ТЫ будешь бить меня, да?

Афанасий подхватил ее на руки и бережно опустил на землю. При последних же словах Лизы он отчаянно замotal головой и, размахивая руками, словно отгоняя от себя невидимый образ врага, решительно произнес:

– Никогда! Никогда тебя не буду бить. И никто тебя не будет бить!

– А как же мы с тобой тогда будем мужем и женой? – озабоченно спросила Лиза. Ей очень понравился этот парень, ей понравилось, как он взял ее на руки и снял с повозки. Ее никогда не брал на руки ни один мужчина, и она забеспокоилась, что он передумает стать ее мужем.

Афанасий подошел к ней вплотную, взял ее за обе руки и, глядя сверху вниз, радостно заключил:

– Мы будем жить дружно. Ты же любишь меня?

– Люблю, – эхом отозвалась Лиза.

– Тогда обними меня.

Лиза встала на цыпочки и крепко обхватила руками Афонасия за шею.

Молча наблюдавший за ними дядя Вися изумленно-снисходительно покачал головой и пробормотал:

– Я же сказал, они понравятся друг другу. Чудеса. Вот тебе и дураки...

Весть о том, что дурак Афоня женился, мигом облетела весь город. Особенно ликовала по этому поводу местная шпана. Инна с пацанами залезала на деревья, чтобы заглянуть к ним в окно, и с визгом и диким хохотом комментировала для тех, кто остался внизу, сцену, когда Афоня бережно, как ребенка, купал в огромной оцинкованной ванне Лизу, или, сидя за столом, усадив к себе на колени Лизу, заботливо кормил ее с ложечки. Время от времени он отрывался от своего занятия, чтобы отогнать от окон особо назойливых.

Позабавиться семейной жизнью «двух дурачков» приходили не только дети. Нередко у их дома собиралась возбужденная толпа взрослых, и какая-нибудь исключительно умная и красивая девушка нарочито-демонстративно хватала

Афоню за руку и говорила:

– Лиза, я заберу у тебя Афоню!

Лиза в совершенной панике начинала метаться в поисках веника и, искренне веря в намерения девушки, начинала плевать и, размахивая веником, гонялась за соперницей. Афоня удовлетворенно смеялся вместе со всеми:

– Лиза меня очень любит. Она меня никому не отдаст.

Он обнимал Лизу огромными ручищами и успокаивающе шептал:

– Не бойся, я не уйду к ней. Ты же видишь, они все дураки. А ты у меня умница.

Лиза прижималась к Афоне и продолжала грозить кулачком толпе.

Прошло два года.

Возвращаясь через железнодорожные пути с заготовки леса на зиму, Афанасий попал под идущий состав. Расчленен-

ное надвое тело уложили в гроб. Проводить Афоню пришел весь город. И трудно было понять, то ли им всем хотелось посмотреть на реакцию Лизы, то ли они действительно скорбели по поводу кончины Афанасия. Он был дурак. Но за всю свою короткую жизнь он никому не сказал ни одного плохого слова. Он только говорил: «Люди просто дураки, они ничего не понимают».

Лиза не плакала. Она сосредоточенно всматривалась в лицо Афанасия и время от времени деловито отгоняла от него назойливых мух.

После похорон Афанасия Лиза каждый день приходила на железнодорожную насыпь. Дождавшись какого-нибудь состава, она подсакивала и начинала яростно размахивать кулаками и швырять камнями в окна вагонов. Местная шпана по-прежнему сопровождала ее. Но только теперь почему-то никому не хотелось хохотать и дурачиться. Так продолжалось около месяца. А однажды, отсалиutowав камнями двум составам, Лиза удивительно проворно вскарабкалась на насыпь и с победным кличем кинулась прямо навстречу мчавшемуся паровозу.

Пацаны стояли в оцепенении, а когда очнулись, бросились в город. Взрослые, выслушав их рассказ, осуждающе покачали головами:

– Вот дура...

Да, Лиза была дура. А Афоня был ее мужем.

Женщина – это вдох. Мужчина – выдох

Черный ворон.

Он сосредоточенно бил клювом о землю.

Тук-тук-тук... Черные бусинки глаз. А точнее, одна бусинка. Одного глаза. Не блестящего, но глянцевого, сверкающего в лучах закатного солнца. Ворон сидел напротив нее, но, когда смотрел на нее, демонстративно поворачивал голову и косил на нее одним глазом.

Он клевал землю под ногами и время от времени внимательно рассматривал Инну. Словно спрашивал у нее: «Ну, как? Здорово я это делаю, а? Еще?». И, не дожидаясь ответа, опять принимался за свое. Тук. Тук-тук.

Черный-пречерный ворон. «Что ему от меня надо?».

Инна протерла глаза и вдруг четко увидела в грязных шершавых лапах ворона грецкий орех, наполовину разбитый крепким клювом его. И почти тут же совершенно отчетливо услышала:

– Хочешь?

Инна вздрогнула. Ворон вперил в нее свой глаз-бусинку. Смотрел пристально и не мигая.

– Ну, хочешь? – повторил он, нетерпеливо переминаясь с лапки на лапку.

– Хочу, – невольно сглотнула слюну Инна.

– Знаю, что хочешь, – пробурчал Черный Ворон.

– А зачем тогда спрашиваешь?

– Да хотел услышать голос твой. Думал, уже и говорить разучилась. Молчишь и молчишь.

– А с кем говорить-то было? Я же не знала, что вороны умеют говорить.

– Ну, вот теперь будешь знать. Мы не только это умеем. И вообще, чтоб ты знала, всё, что умеют люди, мы умеем лучше.

Черный Ворон в три скачка добрался до Инны. Он остановился на самом пяточке, почти касаясь рук Инны. И тут она с ужасом обнаружила, что стоит уже по пояс в вязкой трясине.

не. Черный Ворон стоял в этой же жижке совершенно спокойно, не утопая, словно под его лапками была твердая почва.

– Почему тебя не затягивает? – спросила изумленная Инна. – Ты просто легче меня, да?

– Нет. Просто это не МОЙ круг. Это ТВОЙ круг. Это ТВОЯ жизнь. И кроме тебя никто не увязнет в нем.

– Почему?

– Потому что никакого круга на самом деле нет. Это ты его создала. Для себя.

– Но ведь я тону, ты что, не видишь?! Я не могу выбраться. Я скоро вся исчезну, ты что, не понимаешь? Я НА САМОМ ДЕЛЕ поглощаюсь этим чертовым кругом! Я же это вижу!

– Вот и я о том же. Это видишь только ты.

Черный Ворон передернул плечами, словно от холода, слегка нахохлился:

– Ты, давай, ешь, я уже расколол орех.

Инна, не наклоняясь, взяла орех, который лежал на уров-

не ее талии, прямо под рукой. Самый обычный грецкий орех. Она часто видела, как вороны таскали по городу орехи, но никогда не думала, что когда-нибудь ей придется есть орех из рук, то есть из лап ворона.

– А, может быть, тогда и тебя нет, и я все это придумала, или мне все это кажется? – спросила Инна, с жадностью проглатывая ядрышко.

– Э, нет. Я есть. Был. И буду всегда. Потому что мы, вороны, вне времени и пространства. Мы – понятие объективное. Мы есть независимо от чьего-то желания. Как снег. Или дождь. Идет, – хочет того кто-то или нет.

– А если я не захочу видеть то, что вижу, тогда этого круга не будет?

– Повторяю. Дело не в круге. А в тебе. Ты такая есть. Ты зачем сюда пришла?

– Хотела умереть.

– Плохо жила?

– Угу...

– А как хотела?

– Хорошо.

– А хорошо – это как?

– Не знаю.

– Ну, вот тебе и ответ. Сама не знаешь, чего хочешь.

– Знаю. – Инна гневно стрельнула глазами в сторону Черного Ворона. – Знаю! И всегда знала. Я всегда хотела быть женой.

– Чьей?

– Чьей-нибудь.

– Ну, вот еще один ответ. «Кто-нибудь» – это «никто».

– Ну, хорошо. Я хотела быть женой Яна.

– А ты знала, что у Яна уже была жена?

– Да.

– А ты знала, что его жена тоже больше всего на свете хотела быть его женой?

– Нннет...

– А ты знаешь, как умер Ян?

– Да. Ночью у него был сердечный приступ...

– Это жена так всем сказала. А на самом деле... На самом деле у них все было по-другому. И с тобой-то Ян стал встречаться, потому что не мог ее простить.

– За что?

– Это долгая история. Ты точно уверена, что хочешь знать правду?

– Да.

Очередной скандал разразился как обычно из-за пустяка. К концу ссоры они перебрали все этапы совместной жизни, перебрали все оскорбительно-унизительные эпитеты и метафоры применительно друг к другу и спать легли (как всегда после ссор) в разных постелях. С той только разницей, что на этот раз Галина постелила себе вообще в летней кухне.

Она долго еще не могла заснуть, перебирая в памяти обидные обвинения мужа. За тринадцать лет семейной жизни она даже легкого флирта себе не позволяла с другими мужчинами, не то что близости, а он постоянно подозревает и оскорбляет ее. За что?! Ревнует? Любит? Боится потерять?

Однако спустя некоторое время, Галина все же успокоилась и заснула с мыслью: «Пройдет. Не первая ссора, и не последняя. Утром сам же первый и заговорит».

...Когда скрипнула входная дверь, Галина сквозь сон облегченно вздохнула и даже улыбнулась: «Ну, я же говорила. Даже до утра не дождался». Не открывая глаз, она демонстративно отвернулась к стене, одновременно отодвигаясь, освобождая место рядом с собой для мужа.

Дверь тихо закрылась, и наступила тишина. «Иди, иди, я уже все забыла, мало ли что бывает, дурила, я же только тебя и люблю», – мысленно произнесла Галина и вдруг оцепенела от внезапного ужаса. У двери слышалось учащенное дыхание мужчины. Но это был не муж. Это был не Ян! Она подскочила в мгновение ока, но незнакомец был уже у ее кровати, навалился на нее всем телом, зажал ей рот рукой и хрипло проговорил: «Тихо-тихо, будешь молчать – все будет хорошо». Галина молча закивала головой.

Она много слышала о насильниках, читала в книгах, смотрела в кино. Она всегда переживала за свою дочь, всячески оберегала ее от предполагаемой опасности. Но она никогда не думала об этом применительно к себе. А уж тем более, в сорок лет, в своем доме, в своей постели оказаться жертвой насильника... Галина напрочь забыла все рекомендации, которые она давала своей дочери на этот случай. Тело ее парализовало. Мозг отключился, и она потеряла сознание...

Очнулась она опять от скрипа двери. Опять же подскочила, и опять ужас сковал ее сознание. «Господи! Что же это было?! Что же это было, Господи?!». Слабая надежда, что ей все это приснилось, улетучилась, когда она увидела на полу подушку и свои разорванные плавки. Смятая постель со сползшей наполовину простыней обреченно свисала с края кровати. Первой мыслью было: «Умереть. Как же

теперь в глаза детям смотреть? Как вообще жить после этого?». Галина медленно встала. Неприятная теплая жидкость потекла по ногам. Она подумала, что это кровь, но, включив свет, убедилась, что это была далеко не кровь. Чужая (во всех смыслах) сперма. Отвращение подкатило к горлу. Она тут же вырвала. Боли нигде не ощущалось.

И крови нигде не было. Она побрела к двери, вышла во двор. Наткнулась на собаку, которая безмятежно развалилась у порога. Галина вошла в дом, прошла в спальню, подошла к спящему мужу и молча присела на край постели. Ян тут же перестал храпеть, приподнялся на локте:

– Слышь, хватит выпендриваться, ложись спать, мне рано вставать, ты же знаешь. Все будет хорошо.

– Нет, – прошептала Галина.

– Ну, ты опять начинаешь...

– Нет, не начинаю. Меня изнасиловали...

Муж подскочил в полный рост:

– Где? Когда? Кто?

– Не знаю. Я его не знаю. Я спала. Думала, это ты зашел...

Ян включил свет и уставился на Галину. Он не мог сдвинуться с места.

– Почему ты не кричала? Ты же знала, что я дома, почему ты не звала меня?

– Не знаю. Я сильно испугалась...

Галина вдруг ощутила вселенскую усталость и какое-то необъяснимое (в данной ситуации) непреодолимое желание спать и ни о чем ни с кем не говорить.

– Да на тебе даже крови нет! Кто же это так нежно тебя изнасиловал?!

Галина посмотрела на него и неожиданно для себя свернулась калачиком и, положив голову на теплую еще подушку мужа, почти мгновенно заснула. Это была всего лишь защитная реакция организма, сработал инстинкт самосохранения от непосильного шока, но Ян расценил это по-своему; после близости с ним Галина обычно моментально засыпала. Она не помнила, сколько проспала, но проснулась от удара в лицо. Разъяренный Ян бил ее в истерике и приговаривал:

– На тебе даже синяков нет! И прическа даже не помята! Да ты просто трахалась с кем-то в моем присутствии, в моем доме и теперь рассказываешь мне сказки. Ты хотела отомстить мне за скандал, да?! Почему собака даже не лаяла? Это был наш знакомый? Я его знаю? Кто это был? Скажи, кто?!

Такого поворота событий даже в самом страшном сне нельзя было придумать. Галина даже не прикрывалась от ударов. Она просто поняла, что в дом пришла беда.

После этой ночи жизнь обрела совсем иной смысл. Все стало по-другому. Галина с Яном почти не общались. А точнее сказать, Ян почти перестал бывать дома. О близости вообще речи не было. Скандалов тоже не стало. Галина догадывалась, где проводит все свободное от работы время Ян, но ни протестовать, ни препятствовать этому у нее не было ни сил, ни желания. Она не знала, судачат ли о них любители сплетен, однако прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить внешнюю видимость благополучной семьи. Исправно появлялась с ним на всех свадьбах, юбилеях и других торжествах друзей и родственников, выкипывала до ослепительной белизны его рубашки, следила за тем, чтобы его деловые костюмы были всегда в идеальном состоянии, а галстуки

и носки соответствовали веяниям моды. На работе и в любой другой компании всегда говорила о муже только в восторженно-доброжелательном тоне.

Однако нависшая над семьей тень беды не исчезала. Галина шестым чувством чуяла, что самое страшное впереди. Постоянные оргии в саунах, где Ян был далеко не безучастным наблюдателем, беспокоили ее не столько в морально-нравственном плане, сколько в плане его здоровья. Раскаленная сауна вкупе с сексуальными излишествами была категорически противопоказана его прогрессирующему тромбофлебиту.

И это произошло. И произошло это все же неожиданно для Галины.

Уже привыкшая к тому, что муж часто приезжает домой под утро, Галина управилась с домашними делами и ближе к полуночи легла спать, не дожидаясь его. Во втором часу ночи ее разбудил телефонный звонок. Явно пьяный, но как-то странно трезво-очумелый голос незнакомого мужчины произнес:

– Галина? Если Вы Галина, то за Вами уже послали машину, Ваш муж просил привезти Вас. Пожалуйста, приезжайте. Это не розыгрыш.

Она не успела ничего переспросить, но поняла, что это действительно не розыгрыш. Таким голосом не разыгрывают. Она просто мучилась единственным вопросом: «Почему он сам не позвонил?». Но спрашивать уже было не у кого, Галина не знала, откуда ей звонили. Определитель номера безучастно показывал: номер не определен. Допустить мысль, что Ян уже просто НЕ МОГ говорить... Нет, нет, только не это!

Галина быстро оделась, вышла во двор, замкнула калитку и стала прохаживаться по тротуару в ожидании машины. Вскоре темноту ночи прорезали два снопа света, и темная иномарка остановилась возле нее. Ничего не спрашивая, Галина села рядом с водителем и за всю дорогу не проронила ни слова. Ей не о чем было спрашивать. Она уже почти наверняка все знала и теперь лихорадочно соображала, что делать.

Водитель ошалело молчал.

...Она вошла в жаркий, душный предбанник, прошла мимо заставленного остатками трапезы стола и вышла в неожиданно просторный зал с бассейном. В углу, словно нимфы, сбились в кучку обнаженные девушки (или девочки?) с одинаково перекошенными от страха личиками. Мужчины (все уже одетые) курили, кто сидя, кто нервно прохаживаясь. Ян

недавно получил назначение в этот город, а потому Галина никого из них не знала. На краю бассейна лежал Ян, прикрытый простыней. Галина опустилась перед ним на колени и взяла его руку в свою. Пульса не было. Приоткрыла веки. Поздно. Конечно же, поздно. Она знала об этом еще в машине. К ней подошел незнакомый мужчина:

– Он плавал в бассейне, все было нормально. А потом лег на дно...

– С кем? – перебила его Галина.

Мужчина смутился. Галина мрачно повторила свой вопрос.

– С девушкой...

– Ясно. Это произошло в момент акта или после?

Тот непонимающе посмотрел на нее. Галина перехватила его взгляд:

– Я врач. Мне нужна клиническая картина, а не ваши...

Мужчина с пониманием воодушевился и начал вспоминать детали.

– Сначала мы удивились, как это,.. ну, как он может ЭТО делать под водой. А потом девушка начала вырываться, а он ее не отпускал и сам не двигался. Тогда мы прыгнули в бассейн и вытащили их обоих. Наверное, захлебнулся. Мы сделали им обоим искусственное дыхание. Девушка отошла, а вот он... Но вы не думайте, мы им одновременно начали. Нас же здесь много...

– Да, я это вижу, вас тут много, – горько усмехнулась Галина. – Но ему ваша откачка в любом случае не помогла бы. Это тромб.

– Мы не стали пока никого вызывать... Он ведь уже все равно... А нам всем...

– Понятно, задницы прикрыть надо, – машинально перебила его Галина, сосредоточенно размышляя. Затем, глядя прямо ему в глаза, жестко произнесла:

– Как ни странно вам может это показаться, но мне огласка не нужна больше, чем вам. Я – ЖЕНА. Если вам это слово вообще о чем-нибудь говорит, понятно? А он – мой муж. Достойный муж. Достойный человек. Жил достойно. И... умер... достойно. Ночью. В своей спальне. В своей постели. Это мое условие.

Галина говорила почти речитативом. Мужчина автоматически кивал головой.

– Кто еще знает, что мой муж сегодня был здесь?

– Все здесь. Мы никого поэтому и не отпустили. А на стороне больше никто не знает о том, кто здесь был. Все заинтересованы молчать.

Галина резко поднялась с колен:

– Значит, договорились. Где его одежда?

Она методично одела Яна сама, никому не позволив дотронуться до его обнаженного тела. Затем его положили на заднее сиденье той же машины, на которой она приехала сюда. Подъехав к дому, она велела остановиться перед воротами, распахнула их и дала команду заехать во двор. Закрыла ворота и только тогда открыла заднюю дверь автомобиля. В полном молчании Яна занесли в спальню, положили на разобранную постель. Галина выпроводила машину. Закрыла ворота. Калитку. Вошла в дом. Разделась. Надела ночную сорочку, сверху накинула халат, подошла к мужу и начала раздевать его. Оставив на нем только трусы и майку, она укрыла его одеялом и осмотрелась вокруг. Собрала его

одежду, вынесла в ванную, кинула в корзину для грязного белья. Вернулась опять в спальню. Выключила верхний свет, включила бра. В полумраке опять подошла к мужу, присела на корточки и уткнулась ему в лицо...

Через полчаса подошла к телефону и вызвала «скорую помощь».

Изумленная Инна молча смотрела на Черного Ворона. Тот важно прохаживался перед ней, заложив руки, то есть, крылья за спину.

– Теперь ты знаешь, КАК он умер. А ты знаешь, ПОЧЕМУ он умер?

– Нет.

– Знаешь. Вспомни последнюю свою ссору с ним. Что ты ему сказала, когда выходила из машины? Какие слова?

– Не будет меня в его жизни – не будет его вообще, – машинально произнесла Инна.

– Иными словами, ты не только мысленно, но и вслух пожелала ему смерти, так?

Инна обалдело уставилась на Черного Ворона:

– Какое это имеет отношение? На момент его смерти меня там не было! Мы уже месяц не виделись.

– Вот именно. Не виделись. А, иными словами, ты ушла из его жизни. А вторая часть мысли твоей, высказанной вслух, сбылась сама собой. Для этого тебе не надо было быть обязательно где-то рядом или даже исполнителем. Мудрость жизни заключается в том, что наши мысли формируют действительность. Люди любят повторять эту фразу, но почти всегда они наивно думают, что к ним это не относится. Так и ты. Сила мысли, высказанная вслух в момент эмоционального срыва, усиленная состоянием стресса, подобна выстрелу из пистолета и в ста случаях из ста бьет без промаха.

– Выходит, он никогда не любил меня?

– Любил.

– А Галину?

– Любил.

– ???

Черный Ворон по-прежнему важно прохаживался перед ней. Похоже, ему самому нравилось, что Инна с жадностью впитывает каждое его слово. Он откровенно любовался собой, своим голосом, своими умными мыслями и своим всеобъемлющим знанием жизни. Время от времени он останавли-

ливался, чтобы тщательно почистить свои заскорузлые когти. Затем энергично встряхивал всем телом, словно отряхивал от многовековой пыли свой черный сюртучок, и продолжал:

– Почему вы, женщины, признаете, что любовь бывает разная: к Родине, к матери, к детям, к работе. Но почему вы никогда не можете предположить, что мужчина может любить и нескольких женщин одновременно? Каждую по-своему? Тебя он любил как, скажем так, сексуально талантливую женщину, её – как жену, мать своих детей. Чего нет у нее, ей уже никто не добавит, но чего нет у тебя, тебе тоже никто не добавит. Ты никогда ни физиологически, ни генетически не смогла бы стать матерью его *уже имеющих детей*, это неподвластно никому. Ты заняла свою нишу в его жизни, она – свою. Зачем ты пыталась забить все ниши ОДНОВРЕМЕННО? Ведь это физически невозможно. Нельзя ОДНОВРЕМЕННО находиться в нескольких местах.

– А в нескольких постелях – можно?

– Если ты имеешь в виду его, то он делал это в разное время. Поочередно, скажем так. Сегодня с тобой. Завтра с ней. Послезавтра с другими. Или в обратной последовательности. Если бы ты последовала его примеру, ты могла бы тоже бывать в разных нишах. Кому-то жена, кому-то любовни-

ца, а с кем-то просто случайная связь. Но – в разное время и с разными мужчинами. Это главное условие. Но ты хотела все сразу и одновременно. И с одним мужчиной. Вот в чем твоя проблема. Отсюда все твои беды. Ты сформулировала это в одну удобную для себя фразу: хочу быть женой, а ту непреложную истину жизни, что жена – понятие растяжимое и во времени и в пространстве, ты и сейчас не хочешь принять. Ты не учитываешь фактор времени. С Яном ты разминулась во времени уже в самом начале, то есть перед знакомством. Ты же хочешь заполнить собой ту часть его жизни, которую он прожил без тебя, до тебя. Это невозможно. Научись обходить проблемы, которые не в твоих силах решить. Как вода. Ты когда-нибудь обращала внимание, как вода обтекает каменные глыбы или просто валуны на своем пути, которые не может сдвинуть потоком? Когда ты сталкиваешься с ситуацией, с которой не можешь справиться, представь себе, что ты – вода. И обтекай. Не трать напрасно силы и энергию на то, что ты не можешь изменить. Только так ты сможешь двигаться дальше, не торчать на одном месте. Ибо даже та же самая вода, что не пытается обтекать препятствия, становится застойной, и вскоре на том месте образуется болото.

– В любом случае теперь уже поздно что-либо менять.

– Никогда не говори «никогда». Пока человек живой, все

можно изменить и начать сначала. Только смерть ставит точку на всем.

– Но ведь я уже по пояс... – тут Инна с ужасом обнаружила, что жиха поглотила ее уже выше уровня талии, и она стояла, инстинктивно приподняв руки над кругом.

– Мне уже не выбраться, – истерически завизжала она.

– Ты так ничего и не поняла. Еще раз повторяю. Мысль формирует действительность. Усвой это. Это очень просто. Только надо захотеть.

Инна уставилась в пространство невидящим взором. Она пыталась усвоить всю информацию, которую получила от Черного Ворона. Все это не было, конечно же, открытием для нее. Она знала все это давно. Или всегда? Но как-то не воспринимала все сказанное как что-то личное, или хотя бы имеющее отношение к себе, к своей жизни. Просто – как общие, банальные истины, которые ее не касаются. Мы ведь часто так думаем. И так живем. Да, так и живем. А когда все же находит озарение или просветление, считаем, что уже поздно что-либо менять. Или (такая спасительная мысль!) – это не для нас.

Инна сложила руки на груди, чтобы не касаться пальцами смердящей плоти земли, которая, разлагаясь на ее глазах, подобралась уже к груди. Отчаяния не было – лишь тошнотворное отвращение от запаха гнили, исходящей от круга. Боли уже практически тоже не было. Нигде. Черный Ворон по-прежнему испытывающе наблюдал за ней, но у Инны уже пропало желание выслушивать его умные мысли. Она чувствовала, что в его словах и реальной действительности идет какая-то нестыковка. В душе ее нарастал протест.

Она вспомнила свою первую командировку в Чечню в составе медицинской бригады. Тот пожилой полковник милиции, которого она сопровождала в психиатрическую лечебницу в Ставрополь... Он не хотел верить, что эта война надолго. Он вообще не хотел верить, что это – ВОЙНА. Привыкший разводить уличные беспорядки, он считал, что через неделю-другую власти наведут порядок в республике. Он был уверен в этом, но события разворачивались не по его сценарию. Почему? Ведь он ВЕРИЛ...

– Осетины вывозят свои семьи. Уезжай и ты. Через неделю будет поздно. – Шоген не поднимал глаз от дымящейся сигареты.

С Ефимом они дружили с детства. Сидели за одной партой в школе. Вместе решили поступать в Астраханскую школу милиции, а по окончании вернулись в Грозный и работали в одном отделе.

– Думай, что говоришь. Я здесь родился. Здесь родились мои родители. Здесь мой дом. Это моя Родина. Куда ты мне предлагаешь уехать?!

– У тебя еще есть возможность продать дом. Ты уедешь с деньгами. Россия большая. Купишь где-нибудь жилье, устроишься на работу; с твоей характеристикой, послужным списком тебя возьмут в любой отдел. Тем более, ты – русский... Человек ко всему привыкает. Уезжай. Через неделю будет поздно. Ты итак уже слишком затянул с отъездом. Ты это сам понимаешь.

– А ты?

Шоген наконец поднял глаза и посмотрел на Ефима:

– Что – я?! Я остаюсь. Ты видишь какой-то другой выход для меня? Кому нужен чеченский мент в России? После всего случившегося кто будет воспринимать меня нормально ТАМ? Ты?

– Ты прекрасно понимаешь, что в случившемся нет твоей вины. Мы все прекрасно понимаем, что всё это игры властей.

– Не говори: мы. Это ТЫ понимаешь. А для всех я – чеченец. И уже в этом моя вина. Вспомни последнюю мировую. Немец – значит, фашист, убийца. Сейчас происходит то же самое. Чеченец в сознании масс – террорист, убийца.

– Тебе просто так удобнее думать. Ты просто трусишь

уехать и пытаешься в этом обвинить всех. Ты можешь уехать вместе со мной. Тебя возьмут на работу с еще большим удовольствием, чем меня. И именно потому, что ты – чеченец. Потому, что ОТТУДА ты сможешь с большей пользой для государства поработать.

При этих словах Шоген вздрогнул. Он пристально посмотрел на друга:

– Ефим, ты меня знаешь. Против своего народа я не пойду. Я – чеченец. А это означает, что воля чеченского народа для меня – закон. Ты – русский. Работай на русских. Или, может, ты хочешь остаться здесь и с «большой пользой для государства поработать»? Не советую. Я тебя сдам. Самостоятельно. Потому что государства у нас с тобой отныне разные. И Родина тоже. Чечня – это моя Родина. Запомни это.

Ефим обалдело уставился на Шогена:

– Ты что, сдвинулся?! Ты что мелешь?!

Шоген решительно встал:

– Я тебе все сказал. Уезжай. Отныне враг моего народа – мой враг.

Не взглянув на Ефима, Шоген вышел из его кабинета.

Спустя неделю во двор соседнего дома упал снаряд гранатомета. Взрывом снесло угол дома, где жил Ефим. Людмила прибежала на работу к Ефиму и решительно потребовала:

– Если не уедешь с нами, я уеду одна с детьми. Ты хочешь, чтобы нас всех здесь закопали живьем? Что тебя здесь держит? Это не люди! Это звери!

– Стреляли не чеченцы.

– А я плевать хотела, чеченцы или не чеченцы! Мне без разницы, кто убьет меня. Я хочу жить и хочу, чтобы дети мои жили. А если тебе наплевать на нас, то оставайся здесь. Кому ты хочешь что-то доказать? Для чего? Как ты не понимаешь, это уже не ТВОЯ Родина! От тебя уже ничего не зависит!

– Зависит. От каждого из нас зависит. От тебя, от меня, от Шогена... Это МОЯ Родина.

Людмила яростно взмахнула рукой:

– Оставайся со своей философией здесь, а я уезжаю. Пря-

мо сейчас.

Она выбежала на улицу. Ефим не сдвинулся с места. Он даже не спросил жену, куда она собирается ехать. Придя вечером домой, Ефим принялся за тщательную уборку. Затем вышел во двор и в темноте начал расчищать двор от останков обвалившегося днем угла дома. Достал в подвале полиэтилен и затянул зияющую дыру в прихожей. Приготовив ужин, сосредоточенно поел, помыл посуду и в непривычной тишине лег спать.

Отдел милиции в Грозном не расформировывали, а потому Ефим методично продолжал ходить на работу. С Шогеном после той беседы они практически не общались. И вообще, кроме чисто служебных бесед, Ефим теперь почти не поддерживал никаких разговоров. Ни с кем. События, разворачивавшиеся в Грозном с быстротой падающей кометы, нагнетали на него состояние, близкое к протрации. Ефим часами бродил по знакомым с детства улицам, всматривался к призрачным остовам домов и зданий, от которых остались груды строительного мусора, и, испытывая чувство беспредельной безысходности, возвращался домой и принимался за ужин.

В один из серых дней осени его командировали в отдаленное селение, которое особенно часто подвергалось артоналам с обеих сторон ввиду того, что через него проходила трасса, ведущая в Россию и обратно. Руины домов, смердящие трупы собак, домашних животных и согбенные фигурки местных стариков, медленно стаскивавших из села на окраину полуразложившиеся трупы людей, потрясли Ефима до потери сознания. Он видел подобные сцены в фильмах о вьетнамской и афганской войнах, но с Россией, с Чечней это никак не увязывалось в его уже полубольном мозгу.

Он подошел к старикам, которые бережно уложили в бесконечно длинном ряду еще один труп. Когда старики разогнулись, Ефим обратил внимание на их руки, трясущиеся то ли от усталости, то ли от старости. Целую вечность смотрели они молча друг на друга: представитель власти, призванный охранять жизнь народа, и немощные представители народа, то ли не сумевшие уехать из этого ада, то ли решившие до конца дней своих разделить со своим селом его трагическую участь. Наконец старики молча побрели в село за очередным трупом, а Ефим побрел вдоль ряда, пристально всматриваясь в полуистлевшие лица, продолжавшие хранить на себе весь ужас предсмертного апокалипсиса. Он прошел почти половину пути, обозначенного на земле пунктиром мертвых тел, как в его сознании вдруг вспыхнуло непостижимое для его нынешнего сознания воспоминание: крас-

ное пальто его десятилетней дочери на черной земле среди ржавой травы и палой листвы. Где он это видел? Кадр из какого-то фильма... Ну, да, вспомнил. Они смотрели его всей семьей. Дочура была еще совсем маленькой и без конца капризничала; то тянула их на кухню, на улицу, а то и вовсе требовала почему-то выключить видеомаягнитофон. Она не хотела смотреть сама и не хотела, чтобы они смотрели... *это*. Да, вспомнил. Ничего страшного. Это был просто фильм. Стивен Спилберг. «Список Шиндлера». «Кто спас одну жизнь, тот спас целый народ»... Ефим зажмурился, присел и свистящим шепотом отчеканил: «Я просто вспомнил кино. Ко мне это не имеет никакого отношения». Затем резко поднялся и быстрым шагом вернулся назад, к началу новоявленной аллеи смерти...

Пятая точка в пунктирной линии смерти... Четвертая... Третья... Дочь.

Ефим стоял не в силах наклониться. Единственная мысль завладела всем его сознанием: «Почему? Как случилось, что он не заметил ее сразу, прошел мимо нее почти до середины ряда?». Ему казалось, что, найдя ответ на этот вопрос, он сумеет что-то изменить в этой чудовищной даже для его уже больного мозга ситуации. Он рухнул к телу дочери и взял ее окаменевшую ручку в свою. Ни слез, ни паники, ни отчаяния. «Почему я прошел мимо тебя?». Ни печали. Ни боли.

Он поднялся и вновь начал свой прерванный путь по аллее смерти: «Где остальные?».

Поздно вечером он привез тела жены, сына и дочери домой. Бережно перенес каждого на середину сада во дворе дома и, сходя за лопатой в сарай, начал копать могилу. Одну на всех. Затем, постелив на земле одеяло, он тщательно обмыл каждый труп из шланга, методично отмывая от волос, плоти и костей все кроваво-гнилостные наслоения, разворачивая тела к свету переносной лампы. А когда тугая струя выбила из орбит правый глаз сына, он бережно подобрал его, осторожно обмыл и аккуратно вставил на место. После омовения Ефим принес из дома чистую одежду, одел всех и, завернув каждого в сухие одеяла, опустил в могилу. Жену посередине, сына и дочь по бокам. Покончив с погребением, он тут же обмылся из того же шланга, не замечая холода, переделся и отправился на кухню готовить ужин.

Утром Ефим пришел на работу в отдел. Посидев немного, он встал и вышел в коридор. Выкурив сигарету, он подошел к кабинету Шогена, открыл дверь и, пристально глядя в глаза Шогену, произнес:

– Знаешь, Шоген, ты был неправ. Это все-таки МОЯ Ро-

дина.

Шоген попытался что-то сказать, но в этот момент Ефим нажал на курок наставленного на него пистолета. Затем он вернулся в свой кабинет и, достав папку с бумагами, начал писать отчет о работе, проделанной накануне в командировке...

«Я хочу спать. Да, именно так: ни печали, ни боли. Только смертельная усталость. Я просто хочу спать. Заснуть и не просыпаться. Может быть, мне все это просто снится. Может быть, мне, вообще снится, что я есть. И если то, что я пережила, – это и есть жизнь, – я не хочу больше жить. Значит, в любом случае я приняла правильное решение оборвать этот страшный сон...».

Инна взглянула вниз и уперлась взглядом в серовато-вязкую жижу. Голова уже не поворачивалась. Инна непроизвольно вскрикнула. Но крик ужаса и безысходности потонул в грязи. Рот не повиновался ей: он был замурован оскверненной плотью земли.

«Господи! Кто-нибудь, позовите кого-нибудь!».

Жижа теперь уже стремительно быстро надвигалась на глаза. Инна почувствовала резь в глазах; так бывало от дыма костра или... да, когда лак для волос при распылении попадал в глаза. Волосы. Они уже затягивались трясинной в бездну небытия. Инна судорожно вдохнула воздух. Но... воздуха не было. А точнее – доступа воздуха в легкие не было. Это было последнее, что осознала Инна...

...Сна нет. Усталости тоже нет. Безмятежное тепло и безграничный покой разливаются по всему телу, и Инна закрывает глаза. И почти в ту же минуту земная плоть накрывает собой все ее лицо.

...По лесной просеке вприпрыжку бежал мальчуган лет пяти-шести. Сбивая палкой макушки кустарников, он отступил от тропинки в сторону и остановился, озадаченно всматриваясь в дымящееся черное пятно земли под ногами.

– Па, иди сюда, па! – крикнул он, оборачиваясь назад.

Из чащи вышел мужчина.

– Смотри, па, земля кипит. Как каша.

Мужчина присел на корточки и веточкой потрогал центр круга. Булькающие звуки исчезли, но несколько пузырьков с шипящим звуком лопнули и миниатюрными воронками втянулись вовнутрь. Почти сразу же поверхность круга затянулась сухой коркой земли.

Сын с отцом изумленно переглянулись.

– А ну, пошли отсюда!

Отец резко встал и потянул сына за руку.

На рассвете следующего дня два лесника стояли над черным пятном земли и вели неспешный разговор.

– Может быть, все-таки сообщим? Что-то участились они, – молодой лесник кивнул на круг.

Пожилой молча покачал головой:

– Нет. Это бесполезно. И ты это знаешь. Пока будут женщины, которые проживают свою жизнь именно так, – будут круги. И им никто не поможет. И не помешает. Потому, что это их первый круг ада. А точнее – это первый круг ИХ ада.

– Но ведь ад находится внутри сознания человека?

– Да, ад находится внутри сознания каждого человека. Но начинается он на земле.

– Но если ад находится внутри сознания, – не унимался

молодой, – значит, все можно изменить?

– Можно. Если захотеть. Беда этих женщин в том, что они *не хотят* ничего изменять.

Девять месяцев

Тетрадь №1

*Единственная настоящая ошибка –
не исправлять своих прошлых ошибок.
Конфуций*

6 мая, 6 часов утра

Я выздоравливаю. Это однозначно. Медленно. Скачками. А точнее, взлетами и падениями. Мучительно. Но это – явно выздоровление. Не мрачная депрессия – однотонно-монотонная, разлагающая, размазывающая и тоже – мучительная. Это совсем другое. Я вижу свет в конце туннеля. Все, что от меня сейчас требуется – это доползти, добрести, добежать до этого конца. И вырваться на свет.

Удивительно, как незаметно это происходит: живет себе человек нормально, бредет по ярко-зеленому, солнечному полю жизни и в какой-то момент обнаруживает, что уже давно и далеко забрел в темный туннель. И уже осознавая это, все еще бредет по инерции в глубь, в темно-мрачный холод сырых заплесневевших сводов, уговаривая себя, что, нет, все

нормально, это только кажется, что темно, сыро, холодно, на самом деле все прекрасно...

Я могла остаться там (или пока еще: *тут?*) навсегда. Такая бесславная кончина «*такой перспективной, сильной личности, талантливой журналистки с большим будущим...*» (так обо мне говорили всегда в глаза и за глаза.)

А я, такая умная, красивая, одаренная, медленно вползала в темный туннель с обвалившимся выходом на другом конце. И никто не замечал этого. И сама я не замечала. Вот он, тот самый Крауч-Энд Кинга. Пресмыкающийся конец. Люди не замечают этой незримой границы между параллельными мирами. А потому время от времени переходят эти границы, не задумываясь о последствиях, а точнее, не замечают, как переходят, переступают эту линию. Вроде и есть человек в этом мире, и его нет. Он уже *там*, не с нами. Мыслит вроде нашими категориями, но действует уже согласно другим временным, пространственным, психологическим параметрам, законам.

По-настоящему я уже не вела дневник лет десять. Урывками пыталась, но кроме наматывания соплей на кулак ничего не получалось, а потому утратила вкус к письму. А это, как я уже убедилась на собственной шкуре, чревато. Как минимум – паранойей.

Изоляция мысли, эмоций внутри себя неминуемо ведет к душевной (или духовной) катастрофе. Кому не дано писать – тот часами висит на телефоне или просиживает на лавочках. А кому даровано свыше умение писать – должны писать. В противном случае мысли путаются, сбиваются и соответственно сбивается ритм жизни: и события, и ситуации.

Я писала с седьмого класса. И вся моя жизнь выстраивалась в стройную цепочку жизненных событий.

Теперь я точно могу сказать: те периоды, когда я не вела дневники, сопряжены почти с трагическими событиями в моей жизни. Не знаю, что тут первопричина: то ли жизнь шла под откос потому, что я не писала, или я не писала, потому что было хреново!.. Но факт есть факт.

Сейчас у меня не эйфория, типа: «Ах, какая я была дура, и как хорошо, что я очнулась!». Нет. Все гораздо спокойнее, основательнее. Я не проклинаяю себя за то, что было, но и не оправдываю. Было так, как было. А раз я пришла к выводу, (а точнее – меня пинками загнали к этому выводу), что так больше быть не должно, то я просто продумываю: *как* должно быть, и *что* я должна для этого сделать.

Скажем так. Как журналист я все эти годы собирала мате-

риал, фактуру для статьи, а теперь села писать.

Целый пласт жизни толщиной в 12 лет.

Верстка и выход в печать – максимум через 3 года.

Раньше я на все глобальные этапы жизни давала себе 5 лет.

«Максимум через 5 лет...» – говорила я себе и окружающим. И так оно и происходило.

Но теперь мне уже почти 50. У меня нет такой роскоши (я не могу позволить себе такой роскоши), как растянуть план спасения себя на 5 лет. В три года я должна выйти на уровень, на котором застряла 10 лет назад. Выйти на тот уровень не означает вернуться назад. Нет. Я должна вернуть себе тот эмоциональный дух, самооценку, какая у меня была на момент встречи с Яном.

Я не хочу утверждать, что он погубил меня как женщину, как журналистку. Нет, это слишком банально и тривиально. Но то, что я 10 лет жила *не своей жизнью*, – это однозначно. Причина не в нем. Причина во мне. В моем отношении к нему. Я растворилась в небытии. Я зачеркнула себя как личность ради него. А это наказуемо. Раба любви. Это наказуемо. И наказание самое жестокое: я потеряла всё: дом, работу, карьеру, положение в обществе, друзей, знакомых, родственников, детей (они выросли и уехали) и, что на пер-

вый взгляд кажется нонсенс – Яна. Я отказалась ради него от всех и вся, а он сказал: такая мне не нужна. Нет, я не говорю, что это он меня всего лишил, нет. Я сама это сделала. Все уходило от меня, как вода в песок, а я видела только Яна, все мои органы чувств были настроены только на восприятие Яна: слух, зрение, обоняние, осязание, вкус. Да, даже вкус. Я хотела есть только, когда он звонил или приезжал. Это было уже на уровне рефлекса Павлова: вижу (слышу) Яна – началось слюноотделение.

Вот, как было!

На уровне физиологии, биологии, анатомии!

Смешно вспоминать, но года два назад Ян заметил с искренним удивлением:

– У тебя раньше груди были такие упругие... Почему?

Я сжалась внутренне от ужаса: да, сейчас они у меня свисают как сдутые воздушные шарiki...

Через три-четыре месяца у меня груди округлились и выросли со 2 на 3 размер. Все стало как раньше, и даже лучше.

Ну, а как же?! *Ведь Яну не понравилось!!!* Я же реки

вспять поверну!

...Это самые незначительные иллюстрации десятилетней эпохи утраты моей личности.

Вчера Лукашевич сказала: «Утратить себя – это хуже, чем умереть».

Сильно. Мне понравилось.

Я не к тому, что, ах, лучше б я умерла. Нет, я почему-то, наоборот, чувствую себя какой-то сверхобогашенной. Да, ощущение именно такое, как я уже писала: словно перед написанием статьи я надыбала столько материала, что теперь осталось только сесть и написать. И я уже чувствую, и я уже предвкушаю: статья будет обалденная.

Я прошла через все стадии падения в эти 10 лет.

Я впадала в безвольное отчаяние,

Я впадала в ярость.

Я испытывала бессилие и осознавала собственную никчемность, несостоятельность.

Я «садилась» на «колеса». Я неделями пила водку (как-то за 7 дней выпила 10 бутылок водки, и это при моей-то алкогольной интоксикации!) – «скорая», реанимация; никто

ничего не понимает.

Постепенно мое имя стало все меньше и меньше что-то значить в жизни города. Незаменимых нет. Мое место никто не занял. Но и общественно-политическая жизнь города и района от этого не замерла. Я медленно отходила. От работы, от себя, от детей. И от Яна – тоже.

Нет, однозначно, ничьей вины в том не было. И тем более – Яна. Только сама. Я пыталась совместить два параллельных мира. Гуляла произвольно в пространстве и во времени. И пыталась с собой протащить Яна. А он был (и есть) обычным человеком, простым землянином. Как и подобает нормальному человеку, обладал нормальным чувством страха (я называла это трусостью); менял свои обещания и клятвы соответственно ситуации (я называла это предательством); заботился о своей репутации, карьере, дорожил положением в обществе, социальным статусом (я называла это подлостью).

Да. Он был обычным, нормальным человеком.

И как любой обычный, нормальный человек почти сразу же после того, как открытым текстом (уже не изображая из себя романтического влюбленного – «я даю тебе слово офицера!») заявил мне, что не собирается жениться на мне,

начал капля по капле терять то, ради чего отказался от меня: должность, положение в обществе, статус, круг общения в элитной среде. Те двери, куда его раньше чуть ли не насильно заманивали, теперь стремительно захлопываются при его приближении. Телефоны либо не отвечают, либо их владельцы технично сворачивают беседу на нейтральной фразе...

Он страдает. Переживает. Но он никогда не осознает, что это ему наказание свыше дано. Не из-за меня. А за то, что сам дал слово чести, и сам не сдержал.

Чем поклянешься, тем и заплатишься.

Очень сложно выработать новую линию поведения, отношения к нему. Воспринимать его не так, как все 12 лет.

«Сила привычки» – говорит Подольская. А я не хочу с этим согласиться. Любовь не может быть привычкой. А то, что любовь обросла шелухой, многолетней грязью, налипью... – так это уже другое.

Когда говорят: «Любовь проходит», это жалкая попытка самообмана. Просто, значит, ее никогда не было. Любовь – когда живешь этим человеком. Точнее – это как воздух: пока он есть, его не ценишь. А когда нет – тогда задыхаешься.

ся, и начинаешь осознавать его значимость. Это уже физиологическая зависимость. Потому любовь не проходит никогда. Любовь может только умереть. А вместе с ней и человек. А все остальное – привычка, увлечение, страсть, похоть, приспособленчество – как угодно.

Самое главное – суметь сохранить любовь. Не доводить ее до гибели.

В моем случае – я очнулась почти вовремя. Чуть-чуть с запозданием, но все еще поправимо. То главное, что нас связывает, еще не умерло, а грязь и шелуху мы отчистим.

Пока я не знаю, как. Но детали меня не интересуют. Я знаю одно: я встану с колен, да нет, даже с четверенек. Я вернусь к себе. А там видно будет. Сейчас главное встать, выпрямиться и устойчиво стоять на ногах. А потом можно делать и шаги. И идти. К Жизни. К свету, который я уже вижу в конце тоннеля.

Я не держу ни на кого зла. Не таю обиды. Все было так, как было. Я благодарю Всевышние Силы за то, что мне сохранено физическое и психическое здоровье. У меня впереди еще 30 лет активной жизни.

Я буду любить и трудиться. А это однозначно вознаградится свыше. «Любовь и труд – все перетрут». Только те-

перь любовь должна *созидать*, а не разрушать. Я всегда делала то, что основной массе было недоступно. Я сделаю это сейчас. С собой, с Яном. Все, кто в курсе, говорят: «Если за 12 лет не случилось, то уже ничего не получится». А я уверена: у всех – нет. А у меня получится. Потому что так, как я люблю Яна, никто не любит. *Чудеса случаются с теми, кто в них верит.*

Я освобождаюсь от самоизоляции. Это первое.

7 мая, 8 ч. 20 мин

Все так кратковременно, одновременно. Пока пишу или говорю с кем-то, то такая неодолимая уверенность, что смогу, сумею вырваться из этого состояния. Но стоит остаться одной или без ручки в руках – и я опять слабое, безвольное униженное создание, цепляющееся за Яна: «А когда ты приедешь?», «А ты с кем?», «А ты где?», «А ты... а я... а-а-а...».

Что же все-таки происходит?

То, что он манипулирует моими чувствами – это однозначно. Он осознает безграничную власть надо мной. Если я хочу ада при жизни – он мне это предоставит. Он действует неосознанно, непреднамеренно, но он уверен, что я проглочу любой его пренебрежительный тон, слова, действия по отношению ко мне.

Задели его за живое, унизили где-то, – он самоутвердится со мной.

– Я соскучилась по тебе...

– Господи!.. (усмешка) Знаешь что, тебе надо заняться чем-нибудь серьезным...

– Ты сегодня приедешь?

– Ну, откуда я знаю?

– А кто знает?

– Никто.

– Ну, мы уже не виделись почти неделю...

– Ну, и ничего страшного не произошло.

– Ты так думаешь?

– Слушай! Хватит!..

– Привет!

– Привет (вяло)

– А почему ты мне не позвонил утром?

– (тишина, потом вздох, который в словесной оболочке звучал бы: «как ты мне надоела!») ... Ну-у, не знаю. Не могу придумать. Придумай что-нибудь сама... (циничная усмешка)

Зачем я все это воспроизвожу? Чтобы со стороны посмот-

реть на себя. Самой себе показать себя. Не убегать от правды. Не закрывать глаза. Называть вещи своими именами, никого не обвиняя и не оправдывая при этом. Чтобы вылечить болезнь, нужно мужество признать ее, а потом проследить симптомы, проявления на всем временном отрезке заболевания. *Я хочу излечиться, и я излечусь.*

У Кинга читала:

– Какой степени болевой шок может вынести пациент?

Ответ звучит в форме вопроса:

– А в какой степени пациент хочет выжить?

Правда, у меня немного в другой плоскости. До какой степени мне нужно причинить боль, чтобы я, наконец, сказала: «Все! Больше не могу! Хватит! Хочу жить!»?

Почему я не терплю, нет, почему я сама провоцирую его на такое отношение ко мне? И почему он возвращается ко мне? Несмотря и вопреки.

Любит?

Возможность самоутвердиться?

Удобно? Больше некуда идти?

Нет! Нет! И нет! Он испытывает ко мне то же, что и я к нему. Только вот я неправильно веду себя. Мне нужно поменять самооценку. Я раньше только страдала и еще ниже

опускалась, лелеяла только обиду, боль, и замирала на том уровне. Теперь же я способна не сидеть в обнимку с обидой, болью, а как бы тут же ее зафиксировать, отодвинуть от себя и посмотреть на все со стороны.

Естественно, за месяц (с 24 марта) не может быть кардинальных перемен. Резко можно только разрушить. А строить – нужно время. Или: убить, умереть можно в одночасье, а выздоравливать – с течением времени. И еще – в зависимости от желания выжить.

И даже за этот месяц я очень во многом продвинулась. Можно, конечно, изумиться: «Господи! Как же я раньше, целых 12 лет, этого не замечала?». Но это будет равносильно тому, что удивиться, почему же наелся только третьей лепешкой, ах, надо было сразу третью лепешку купить!

Мне нужны были, значит, эти 12 лет, чтобы все это осознать.

Ну, все, занудила. Хватит!

19 часов

Ну, вот, с утра наорал, а через три часа приехал, будто и не он это был вовсе.

У Карнеги есть такая мысль (не дословно, суть): если мужчина начинает кричать на вас, срываться, это первый признак, что он переводит вас из статуса любовницы в ранг жены. Так что выбирайте, кем вы хотите быть для него. Если же он на протяжении многих лет продолжает дарить вам цветы, подарки и называет вас ласковыми словами, значит, он не воспринимает вас как серьезную партию.

Вот, оказывается, в чем мудрость жизни. Веками формировался институт семьи, из поколения в поколение складывались формы общения внутри семьи, между мужем и женой. А я хотела придумать новое.

Ведь лет 10 точно Ян не повышал на меня голоса. А последние два года взрывается по малейшему поводу. Есть о чем подумать.

А пока надо методично, без суеты начинать восстанавливать свое имя. Работать. Построить дом. Купить машину. Компьютер. Писать книгу. Копаться в саду.

Кстати, все саженцы, которые я посадила осенью на дому, принялись. И ягоды. И хризантемы. Надо спешить со стройкой. К концу лета, осенью переехать. Я так этого хочу!!! Я такую обалденную планировку дома и двора придумала! PER ASPERA AD ASTRA!

Я еще в состоянии помогать детям. Не только морально, но и материально.

8 мая 6 ч.30 мин

Сегодня солнце, с самого раннего утра. Небо синее, ни единого облачка. И – холод леденящий.

Очень похоже на меня, мое состояние нынешнее.

Внешне я уже почти обрела живую привлекательную оболочку, но по сути еще не отошла, не оттаяла.

Относительно обиды. 2 момента.

1-й: не давать повода, не вызывать огонь на себя.

2-й: никто и ничто извне не может обидеть, пока сам не дашь себе команду: это обидно! Надо обижаться!

Вчера лишний раз убедилась с Яном. И еще вот какой момент. Пожалуй, не столько он манипулирует мною, сколько я управляю его чувствами, настроением, словами и действиями, потому что я создаю определенный настрой себе, который передается ему.

Он – ведомый в нашем тандеме, а не я! Вчера я это особенно наглядно увидела. И поняла, почему я так уверена, что у нас все получится. Потому, что все зависит от меня.

Насколько точно, психологически грамотно и этически благородно я выстрою линию своего поведения, настолько теплым и сильным будет желание Яна быть со мной. Не увязать в мелочных склоках, стычках, обидах, упреках, а создавать положительное эмоциональное поле, расширять его, а уже на нем строить быт, который тоже должен быть пронизан светом добра и радости.

Хватит скорби!

Хватит трагических слов и ситуаций! Вот в этом плане я могу сказать: «Да. Это же надо, столько времени потерять, черт знает, на что!»

Но это – опыт. И как ни странно я пришла к выводу, что самый полезный, действенный, результативный опыт – это негативный, отрицательный опыт.

Главное – вовремя осознать это и взять на вооружение.

10 лет (прожитых) против 30 лет (предстоящих) всего ничего.

Я успеваю.

И еще.

Хватит постоянно пытаться заглянуть в замочную скважину чужой семейной жизни. Все равно кроме мимолетных, отдельных, рваных фрагментов я ничего не увижу, и даже то, что увижу, никоим образом *не есть моя жизнь*. Все! Необходимо строить, создавать *свою жизнь* и вовлекать в *свою жизнь* тех, кто мне нужен.

«Где ты?», «С кем ты?». Да неважно! Имеет значение: *Где я? Кто я? С кем я?*

У меня есть здоровье, силы, у меня есть талант, у меня есть время. А спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Я выплыву!

15 ч.30 м.

Во мне утрачен какой-то главный стержень – самодостаточность, что ли. И появилась, прямо-таки отшлифовалась, способность рисовать в воображении самые больные для души картинки и страдать, хотя нет стопроцентной гарантии, что это на самом деле так. А если это даже так – каким образом я могу изменить ситуацию? И вообще – какое это, к чертовой матери, имеет отношение ко мне, *к моей жизни*?! Только если я сама себе дам команду: страдать! Только тогда это повлияет на *мою жизнь*. Сначала на настроение, потом

на действия, а далее на все течение жизни.

Так неужели я не справлюсь со своим воображением? Думать только о себе, воображать и создавать картины только *своей жизни*.

Не можешь идти, ползи – ну, видно же впереди уже свет.

Утром только так красиво все разложила по полочкам, а сейчас – опять все покатилося!

Нет! Я сказала: Нет!!!

Дальше дневника эта эмоция не растечется.

Не важно, где ты, с кем ты!

Важно, *где я, с кем я*! По большому счету я прекрасно понимаю Яна. И напрасно ревную. В самом деле, ему сейчас не женщины нужны. Нет. Особенно в праздники. Ни женщины, ни дурацкие семейные пары в чинных застольях не восполнят ему того, что он утратил с уходом из органов.

Мне это вдвойне печально, потому, что, сдержи он слово чести, данное мне, он еще лет 20 был бы в обойме. Как минимум в 50 уже был бы генералом. Я это ЗНАЮ, я это ВИ-

ДЕЛА. Но он оказался не столь дальновидным, он решил, что если останется с Галиной, то сможет сохранить все те моральные, социальные и материальные блага, которые пришли к нему вместе с любовью моей. Он и сейчас (да теперь уже никогда) не согласится с тем, что с того момента, как я вошла в его жизнь, и он был искренен в своих чувствах и намерениях ко мне, его жизнь круто пошла вверх.

И все как отрезало, когда он начал сначала уклончиво, а потом прямым текстом говорить, что о семейной нашей жизни не может быть и речи.

Законы метафизики неумолимы и неизменны независимо от того, верим мы в них или нет, понимаем мы их или нет. Это точно так же, как, например, я в математике абсолютный ноль, но это вовсе не говорит о том, что математика как наука абсурд. Все очень четко прослеживается и совпадает. Но ему этого не понять. Пока осталась только материальная обеспеченность, но и это не долговечно.

Мне бесконечно жаль того полковника Осенева, который не сделал рывок, заиклился на деталях, увяз, а ведь мог иметь гораздо больше.

Все. 23 марта он вынес окончательный вердикт себе, послав меня в самой грубой форме. Я в очередной (!) раз заби-

лась в истерике, умоляя его не бросать меня.

Почему?

Потому что знаю: или мы будем вместе, или нас не будет вообще. Он этого не понимает, а я это ЗНАЮ, я это ВИДЕЛА. Не знаю, откуда и почему, но я это просто ЗНАЮ. Для простоты понимания окружающих я говорю, что это ЛЮБОВЬ.

Хотя, он, пожалуй, тоже это ЗНАЕТ, иначе почему бы он не рвал со мной окончательно? Нет, он не ЗНАЕТ, он просто инстинктивно чувствует, но не осознает.

Ну, и х...!

Я не могу его ни презирать, ни ненавидеть! У меня сейчас словно ломка у наркоши. Периодами как скрутит – так и хочется автомат в руки и косить всех сплошным огнем. Потом приходит какая-нибудь спасительная мысль, – и наступает прозрение. Выдержу, – значит, избавлюсь от этой зависимости. По большому счету мне его жалко. Ведь наказание неизбежно, и оно исходит не от меня, а потому я не в силах его предотвратить. Единственное спасение его – остаться со мной, т.е. сдержать слово офицера, данное мне дважды. Ведь по сути он вдвойне смалодушничал: в первый раз, когда

дал слово и не сдержал, и второй раз, когда стал утверждать, что никогда этого не было, что он не мог такого говорить, что это я сама придумала.

Расчет его был примитивен: нас было только двое, никто больше не слышал, а меня можно бортануть: не говорил, и все, не докажешь!

Но он не учитывает главного: с нами был Бог, Силы Небесные, и верит он в это или нет, сверху четко контролируют все наши действия, слова, поступки.

Вот почему я всегда возмущаюсь, когда он с ужасом озирается вокруг: вдруг кто-нибудь увидит и донесет Галине.

Главное не то, что Галина узнает, главное – что сверху смотрят и видят. Когда он был искренен в своих намерениях довести детей до совершеннолетия и расстаться с ней и узаконить отношения со мной, это было честно и благородно, а потому свыше вознаграждалось и улучшением здоровья, и продвижением по службе и повышением должности и зарплаты, но он не сумел увязать этой причинно-следственной связи. Он решил, что главное, чтобы Галина и окружающие не узнали, и тогда можно и дальше так жить. Тем более что она, узнав, что у него есть я, кардинально изменила свое поведение и отношение к нему, став почти примерной женой. А я привязалась настолько, что не мыслила себе жизни без

него.

Вот так я оказалась за бортом. И теперь хватаюсь за соломинку, чтобы спастись. Я сыграла очень положительную роль в их жизни. Я оказалась связующим материалом для их почти расколовшегося семейного судна. Но, но, но...

Сейчас у нее возобновились истерики и по поводу, и без повода. Он все больше уступает ее требованиям. Все больше похож на затравленного, загнанного зверя, и не может понять, что спасение всех (и его, и ее, и меня) в том, чтобы оставить ее вместе со всем нажитым имуществом и недвижимостью. У него еще есть шанс сделать рывок.

Говорить ему об этом бесполезно, потому что он воспримет это только как уговаривание с моей стороны.

Ничего подобного. Но и взрывов возмущения с моей стороны, приводивших к ссорам, тоже больше не будет. Я продержалась месяц. С моей импульсивностью это солидный срок.

Сколько времени надо до полного достижения цели?

Работа. Дом. Машина. Компьютер. Книга. Сад и цветник. Сколько надо времени на все это?

Сегодня почти составила проект создания PR-агентства на КМВ. Крутой мен заказал. Распустил хвост павлином, посмотрим, на что на самом деле способен. Понравится проект – возглавлю агентство.

Ну, с Богом! Я начинаю хотя бы шевелиться. Для месячного срока нормально. Две газеты, один проект. Перекопала сад. Пойдет.

Нормалек. А уж сколько общалась! За год, наверно, столько не болтала. Просто болтала. Выздоровливаю.

9 мая, 15 часов

Приходила Лукашевич. Принесла письма из редакции на мое имя и брошюру СПС, которые передала Оля Иваненко.

20 мая юбилей СПС – надо подготовить статью для городской газеты.

Мне нравится мой нынешний, даже не распорядок, а уклад жизни. Какие-то нормальные, обычные вещи, как то: кто-то пришел, с кем-то поболтала, сходила за грибами (в магазин), приготовила чанахи в горшочках, пиццу. Все обалденно вкусно. Постирала, поутюжила. Почитала, пописала. И все так размеренно, слаженно, осознанно. Не то, что

раньше – всё только в моменты просветления между страданиями по Яну, с непреходящим тоскливым ожиданием его звонка или приезда.

Но самое главное – я научилась просто болтать с бабами. Раньше мне это казалось пустой тратой времени, а, оказывается, это неотъемлемая часть жизни нормальной, земной, человеческой.

Нет, я не боюсь, что теперь стану приземленной серой курицей. Наоборот, во всем этом есть что-то очень важное, чего мне не хватало – какого-то связующего звена, что ли, во всей жизненной цепочке. Это как цветок без воды или без земли.

И сама в гости хожу. Просто так, поболтать. И такой эмоциональный заряд получаю от общения! Обалдеть! Раньше я думала: ну, что нового или интересного я могу почерпнуть из этих дурацких посиделок?!

А оказывается, очень даже много практических моментов, вернее, понимания того, что мне казалось непонятным в этом мире. Модель человеческих взаимоотношений.

Раньше я замыкалась только на детях и Яне (по работе – не считается). А сейчас и с детьми ежедневно перекидываюсь СМС, и с Яном общаюсь, и еще – просто со всеми болтаю. С кем-то более откровенные темы, с кем-то – просто обо всем и ни о чем.

На сегодняшний день самый главный результат: я не испытываю горечи, обиды, боли, одиночества, зависти к тем, кто сейчас с Яном. Пришло какое-то четкое осознание: Господи! Да ни о чем мои страдания были! А точнее, не было никаких оснований для таких смертельных переживаний! Не было, и не будет! Каждый выход его с Галиной в люди – только жалкая пародия на благополучную семейную пару. Это знает он. Это знает она.

Не понимала этого только я. Мне так хотелось быть рядом с ним везде и всегда. Гордо и счастливо вышагивать рядом с ним.

Бедная девочка! Мне, действительно, все больше и больше жалко себя, но не трагически, а так, с доброй улыбкой: «Да бедная ты моя девочка!»

22 час

Да, точно.

Теперь уже точно. Я преломлю ход событий. Я построю *свою жизнь*.

Я выстрою замечательную жизнь. Это такое прекрасное состояние, совсем как в 15—16 лет, когда я была спокойно уверена, что уж у меня жизнь будет просто сказочная. И ведь так и складывалось. Владивосток, журфак, замужество, дети (две лапочки-дочки и Рома-сыночек), дом, одна машина,

другая, третья – все последней модели на то время: «восьмерка», «девятка», «девяносто девятая», должности по линии журналистики, звезда городского масштаба, «Невзоров в юбке» (хотя я преимущественно ходила в брюках, спортивных)...

Всё было, пока я ни в чем не сомневалась.

Потом, по следам нашумевшей моей публикации в мою жизнь вошел начальник горотделения КГБ, подполковник Осенев.

Да, тот самый Осенев, который нагонял на всех жуткий страх, и имя которого произносили полупшепотом с расширенными глазами. Именно так мне сообщила о его приходе мой редактор Лена Маркина:

– Никуда не уходи. Сейчас придет начальник КГБ, хочет с тобой побеседовать.

– Я че, обязана? – в свойственной мне манере спросила я.

– Ты что?! Это же Осенев!!!

– Ну, и че?! А я Инна Лай...

– Ин, ну не дури, я тебя как редактор твой прошу...

Это было 29 июля 1991 года. Жара.

Я была в розовом топики, в черных шелковых брючках, с копной волос на макушке – модная, независимая, дерзкая....

Я балдела от себя. Я так нравилась себе, и у меня все по-

лучалось. Обо мне уже говорили на уровне города...

...Я разулась, закатали штанины, задрала ноги и так и сидела, когда вошел он...

Все было как у «Онегина»: «Ты чуть вошел, – я вмиг узнала...» и т. д.

Первым делом я спустила ноги под стол и стала судорожно пытаться влезть в свои босоножки, которые, конечно же, никак не хотели надеваться и предательски гремели.

Потом я пыталась незаметно (как мне казалось) ногами откатить штанины...

Нет, это был не страх перед его статусом, личностью. Я просто, (вот именно!) «вмиг узнала» его. Того самого, которого создавала в своем воображении с самого детства. Того самого, которого (я *знала*) обязательно встречу!

Теперь, по прошествии 12 лет, я могу утверждать то же самое: он тот, о котором я мечтала. А потому не намерена сейчас отступить. За 12 лет я все больше и больше убеждалась, что не ошиблась ни в нем, ни в себе.

Просто, одновременно с ним в мою жизнь вошла неуверенность. А точнее, я изменила себе в том, что впервые мне захотелось подчиниться мужчине. Я изменила своей сути, а потому все пошло кувырком. Я перестала полагаться толь-

ко на себя, на свое мнение, я каждый свой шаг, слово, действие рассматривала с позиции: «А что скажет Ян? А как Ян на это посмотрит?».

Он комплексует, что у меня машина?! Да не будет у меня машины, а у него будет! Так и произошло. У меня дом, а у него небольшая квартира? Да не будет у меня дома, а у него будет шикарное жилье! Так и случилось. Он не хочет, чтобы я была продвинутой деятельницей («мне не нужна деловая жена, вечно занятая общественными проблемами», — сказал он, когда я хотела получить дополнительное юридическое образование)? Да не буду! Не буду! Мне во всем хотелось быть ниже его уровнем, за ним, под ним. И я получила это.

Вот так я и пришла я к своим баранам.

Если и виноват кто в сложившейся ситуации, то только я. А потому я смогу все выправить.

У меня получится. У меня всегда все получалось. Получится и на этот раз. Потому, что я — Инна Лай. Та самая, о которой говорили, та самая, о которой заговорят. Максимум через 3 года. И уже не на уровне города, а гораздо выше.

Права Лукашевич: «Утратить себя гораздо хуже, чем умереть».

А уж коли Бог сохранил мне жизнь, то я оправдаю его доверие.

10 мая, 7 ч. 30 м.

Человек есть то, что он думает о себе. Наша жизнь есть то, что мы думаем.

Все так. Оборачиваясь назад, я вновь и вновь убеждаюсь в этом. Мысль материализуется. Эта аксиома, как и любая другая истина не воспринималась мною как руководство к действию.

Но ведь все события я сформулировала сама.

Вот почему я говорю, что тут вина не Яна, а моя. Я моделировала свою жизнь своими мыслями. И получила то, что думала, мысленно рисовала в своем воображении. И именно потому я говорю сейчас, что все у меня получится, все можно изменить в лучшую сторону, так, как я себе представляю. Только представлять себе нужно позитивные события и ситуации, а не лелеять негатив, который я так фанатично вынашивала в себе, и постоянно получала. *«По вере вашей вам воздастся».*

Во что верим, то и получаем.

Ну, вот. В общем и в целом я сделала беглый экскурс

в свои прошлые 12 лет. Пожалуй, хватит о том, что было. Надо формировать настоящее и будущее.

Мне необходимо в августе отправить Кристину с Искрой на море. Пусть погреваются. А с сентября уже разгрузить Рому с Аней, посылать девочкам по 2 тысячи в месяц. Это пока для меня самые главные установки.

Помоги мне, Господи.

11 час 30 м.

Сегодня уже по-настоящему летний день. Зелень, синь неба и золото солнца. И тепло.

Ход времени ничто не остановит.

Еще один хороший признак – остро скучаю по детям. Сдам июньский номер в печать и поеду в Москву на несколько дней.

Временами все же прорывается тонкая острая боль (даже просто укол) отчаяния, безысходности, но это уже не затяжное. Так – искрой мелькнет в сознании, и все.

Надо закончить проект и взяться за статью СПС. В прошлом году я вступила в Союз Правых Сил. В основном из-за личности Хакамады. Ян не в восторге от нее. Но, я считаю, если она и потеряла в чем-то как женщина, то это только минус мужчинам.

Если бы я сейчас ожесточилась против Яна, то возненавидела бы и презирала весь род мужской. Вот почему я еще не отступлюсь.

Быть такой холодной, жесткой (а порой и жестокой) по отношению к мужчинам, как Хакамада, я не хочу, но знать себе цену, как она, я хочу.

Я поднимусь. И выпрямлюсь. И пойду.

Помоги мне, Господи.

А еще – 23 июня 2001 года я приняла Крещение в церкви Святого Великомученика Георгия Победоносца. Я хотела быть одной Веры с Яном.

Прости меня, Господи, если это было меркантильно с моей стороны.

14 часов

Чистота помыслов. Вот еще одна истина, которой мы не придаем значения в своей повседневной жизни.

Я спаслась потому, что все же за все эти годы я никогда не преследовала корыстных целей по отношению к Яну. Обида, зависть была, но опять же – зависть не к материальным благам, которые он предоставлял, обеспечивал Галине, а зависть к тому вниманию, заботе, которое он проявлял к ней. Когда он звонил в праздники и говорил, что сейчас едет за продуктами на рынок («попросила Галина подвезти

на рынок и обратно» —его слова), меня меньше всего интересовало или задевало, что и сколько он купит, хотя у меня по праздникам обычно нечего есть (особенно сейчас, когда детей нет со мной, раньше я ради них, хоть займу, но стол обеспечивала), так вот, меня сразу убивала сцена в воображении, как она идет рядом с ним, как они вместе выбирают, едут, потом вместе готовят, вместе едят. Это немного другое. То же самое, когда он говорил, что едет на «Людмилу» с ней. Неважно, что он ей купит, и сколько это будет стоить, — страшно то, что это не я иду рядом с ним, не для меня его забота и внимание.

Хотя, и об этом, наверное, надо было меньше думать. Ничего завидного по сути в этом нет. И это не есть моя жизнь. Пусть определяют сами. У меня отныне своя жизнь, в которой Яну отведена конкретная роль. Не я — в его жизни, а он — в моей. Каждый получит по своим деяниям. По чистоте своих помыслов. Это неверно, что у каждого своя правда.

Правда всегда и для всех одна.

17 час 30 мин

Из всего написанного, вспомненного и вновь пережитого возникает естественный вопрос: если Ян так подло, коварно поступил со мной, зачем он мне нужен такой? Если я все это осознаю, то зачем нам это дальше надо?

Подольская говорит:

– Сила привычки.

Но, что я думаю по этому поводу, я уже писала.

Я хочу сама с собой разобраться. Наедине.

Что это?

Я как-то обронила при Лукашевич, что нельзя так со мной поступать, – с моим характером...

Она невольно искренне засмеялась:

– О каком характере ты говоришь, Инна? Тебя столько раз так унизили, ты позволяешь так обращаться с собой, – и ты говоришь о каком-то характере?!

А мне кажется, они все привычно мыслят. Усредненно. Из правил есть исключения. *Чтобы выиграть войну, нужно уметь проиграть сражение.*

Это не самая удачная иллюстрация к моей ситуации, но образно очень точно.

С копьями на танк не идут. Я в нокдауне. Мне нужно время очухаться, оклематься.

Мне нужно время собраться с силами, которые я так бездарно, безудержно растратила.

Надо как-то по-другому. Не так, как обычно поступают в таких ситуациях. Это примитивная, дебильная модель: «Да брось ты его к чертовой матери! Найдешь себе лучше!»

Не то, не то! Что-то не то в этой модели! Надо по-другому. Я знаю, есть другие мужчины, я допускаю, что они в чем-то лучше. Но. Это – Ян. Это – *мой Ян*, которого люблю *я*.

19 ч.30 м.

Чистота помыслов. Чистота помыслов. А что же делают, когда чистоту помыслов, веру в любовь, надежду, которую дают, убивают, уничтожают?! Размазывают? Растаптывают?

Нет, не права Лукашевич! И Подольская не права!

Есть у меня характер. Есть! Я виновата в таком отношении ко мне! Я спровоцировала подлое отношение к себе! Я сумею спровоцировать другое отношение к себе! Это слишком просто: послать, отпустить, забыть...

Я в нокдауне. Всего лишь. Это не нокаут. И не кома – тем более. Мне нужно время. Месяц – это слишком мало для результата. Против 12 лет формирования, цементирования негатива – это слишком малый срок, чтобы уже вырисовывался новый контур отношений. Пусть все (и Ян в том числе) думают, что ничего изменить невозможно. Пусть. Так лучше. Меньше сопротивления. Если резко повернуть руль на трассе, можно перевернуться и оказаться в кювете. А если по большому радиусу сворачивать, никто и не заметит изменения направления движения. Плохо вы меня все знаете. Совсем не знаете.

Чудеса случаются с теми, кто в них верит.

В одном Ян прав: меня уже не изменить. Это точно он подметил. Меня никто и ничто не изменит в главном. А главное во мне – я всегда привыкла все доводить до конца. Даже если это абсурдный конец. Но поскольку это связано с моей жизнью, то на этот раз это будет счастливый, сказочный конец. Не может быть, чтобы Любовь не восторжествовала! Ну, не может быть такого!

Мне нужно время. И конец в этой истории должен быть другим, не как у всех.

Пусть так. Пока пусть так. Я опять немного не в себе. Он опять говорил со мной по телефону в снисходительной манере. Я не сорвалась. Я молодец. Мне плохо. Но я молодец. Пока так. Он не должен заметить резких перемен. Он так привык, – я его приучила. Ничего, – я его приучу к другому. Он поймет, что по-другому лучше.

Я не отступлюсь. Вы меня слышите?!

Сегодня ровно 1 месяц и 16 дней, как я получила нокдаун. Я была слишком открытая для удара. Я была уверена, что он не ударит.

Все. Не хочу ничего вспоминать.

Вперед. Ползком. Пока на карачках.

11 мая, 12 ч. 30 м.

Ну, что я могу на данный момент сказать?

Я молодец! Молодец, и все! Ян приехал 3-й раз на неделе!

Я лучший стратег и тактик. А теперь уже и практик.

Я прошла сейчас по лезвию бритвы. Я прошла!

Это еще один кирпичик в моем новом здании. Сам по себе он ничего не значит. Но когда я сложу несколько тысяч таких кирпичиков, здание будет всем на удивление.

Точно так же, как и мой новый дом. Это так знаменательно, что строительство дома и новых отношений с Яном совпало по времени. В дом я перееду уже совсем с другим душевным состоянием. А это много значит для жилища.

Важно что?

То, что я *научаюсь* управлять своими эмоциями. Сегодня я дважды была на грани срыва. И оба раза я прошла по такой тонкой грани, что уже и самой не верилось, что это не конец.

Да, я окончательно убедилась: в наших отношениях он ведомый. Он не хочет меня терять – это однозначно. И я не хочу. А значит, мы не потеряем друг друга.

Милые мои бабоньки! Послать на фиг мужика проще всего. А послать *любимого мужчину* – природа еще ни одной женщине не простила этого; оглянитесь вокруг – это они: беспощадно гордые и бесконечно одинокие женщины баль-

заковского возраста, не умеющие прощать и просить прощения. Удержать, приковать к своей личности – вот это труд и чисто женский талант.

Тем более при нашей демографической ситуации, когда в нашем крае на 7 женщин приходится 1 мужчина (а в целом по России – на 3 женщины 1 мужчина).

Быть абы с кем – лишь бы не одной, я не хочу. Я всегда была только с теми, с кем хотела. А сейчас – подавно.

Душа слегка бунтует – мне хочется всё сразу, и сейчас, но ничего, зайка, сразу и сейчас нельзя, я слишком долго и много косяков напорол.

Я посадила семя. Теперь нужно время, дождаться всходов, а потом поливать, пропалывать, чтобы получить плоды.

Не бывает так, что посадил саженец, а через месяц – уже плоды висят. Даже в растительной природе так не бывает. А уж в природе человеческой души – тем более.

Терпение. Вот что мне сейчас нужно, а остальное у меня есть.

Вот теперь я с благодарностью вспоминаю слова Кристины, когда она меня успокаивала после 24 марта в своей SMS: «Я абсолютно уверена, что ты еще всем нам покажешь, как надо устраивать свою личную жизнь». Мне – почти пятьде-

сят. Ей – всего девятнадцать. Я – мама, она – дочь. Прости меня, Господи, что ей приходится писать мне такие строки.

Да, теперь я тоже в это верю, а в тот вечер плакала над этой SMS, как над своей эпитафией.

19 часов.

Сходила на дом. Саженьцы уже распустились, и по листочкам уже можно определить, какое дерево. Смородина, крыжовник, малина, клубника тоже взялись хорошо. А на крыжовнике и клубнике уже завязь висит. А еще облепиха, кизил и калина – тоже хорошенькие уже. А из вьющихся – клематис, розы и дикий виноград с плющом уже полезли вверх. Так радостно. Всё – уже. А вот сам дом – пока еще стоит такой бедненький. Только коробка. В прошлом году хватило денег только на оконные решетки, забор и ворота. Всё – очень красивое, витое. То, о чем я всегда мечтала.

Но ничего. Я верю, что вот-вот, уже скоро все сдвинется с точки.

Все сдвинется с мертвой точки.

Теперь уже точно.

23 часа.

Я продвигаюсь прямо-таки семимильными шагами!

После отъезда в обед – вечером Ян дважды звонил мне и впервые после 24 марта (а точнее, за последний год) говорил со мной не раздраженно-снисходительным, одолжитель-но-небрежным тоном, а почти как в прежние годы. И слова, и интонации.

Но я почему-то испытала не ликование, а какую-то хорошую усталость. Почти физическую. Будто последний мешок перенесла на себе.

Удовлетворенная усталость от проделанной работы.

Я ползу к свету. Ползу. Ведь, это я – Инна Лай.

Благодарю тебя, Господи

12 мая в ч. 40 м.

С утра позвонил. И опять – радостно ласковый тон.

Где-то неделю назад он при мне говорил с Лерой (дочерью) таким же тоном. Мне так хотелось спросить:

– Почему ты со мной таким голосом и тоном не говоришь?

Но я промолчала. А внутри поднялось: будет! Будет он со мной говорить таким тоном и таким голосом! Только надо быть в душе такой же, как она: светлое пятно на сером холсте обыденности.

Всего неделя прошла, и я получила это. Я почти вышла на тот уровень отношений, какой у нас был 5—6 лет назад.

И даже лучше. Тогда у нас были только чувства, а сейчас Ян заботится обо мне и материально.

Оценить все это. Закрепить. И двигаться дальше.

Фиксировать в сознании и отправлять в подсознание только положительные, позитивные моменты. А негатив (если он и проскочит) выбрасывать из зоны внимания, как досадный промах, как, если шел и вдруг споткнулся, ойкнул (или чертыхнулся) и пошел дальше. Мы же не останавливаемся на этом месте и не начинаем рассматривать участок дороги, ногу, искать причину, почему споткнулся. Так – оглянемся вниз, назад мельком и идем дальше.

Так и в эмоционально-этическом плане.

Характер мой уже не изменить – да. Но воспитать культуру поведения с Яном – можно и нужно. Уважать себя – в первую очередь, сохранить, восстановить и сохранять чувство собственного достоинства. Возродить в себе ту Инну Лай, которой он давал слово офицера. Да, такая, какая я была последние годы, действительно, неприглядное зрелище.

Я должна была получить нокдаун, иначе так бы и катилась на дно.

Хорошо, что все это позади. Впереди теперь долгая, светлая, счастливая жизнь.

А пока – надо закреплять то, чего достигла на сегодняшний день.

Чистота помыслов? Любовь? Кто сказал, что через это можно переступить?

16 час. 20 мин.

Ну, это уже просто сплошные праздники, прямо-таки!

Я знала, что Ян отзовется, что душа его адекватно настроится на струны моей души, но что так стремительно эмоциональный фон наших отношений будет улучшаться, – даже для меня неожиданность.

Он был у меня вчера. Приехал сегодня. Это так давно было.

Господи! Я так благодарна Тебе. Такое ощущение у меня сейчас, словно иду с хрустальным шаром по скользкому льду и, не дай Бог, поскользнуться, упасть, разбить шар.

Передвигаюсь по квартире легко и плавно, а внутри звучит бесконечным лейтмотивом Исикава Такубоку:

*Большой хрустальный светлый шар
Я вижу пред собою
Когда я думаю о людях.*

Сейчас главное – не впасть в эйфорию, не дергаться, не сорваться. Закреплять каждый шаг. Сохранять и накапли-

вать каждую каплю положительных эмоций, ситуаций. Постепенно и полностью избавиться от подозрений, недоверия и даже враждебности самой, и у него.

Сколько же мы все-таки наворотили! Простая обиходная фраза могла у нас обоюднo вызвать подозрение в оскорблении и соответственно взрыв эмоций, скандал.

Да, я раньше постоянно делала шаг вперед, два – назад.

Сегодня очень знаменательный день. Значимая веха на моем новом жизненном пути.

Я отопреюсь сама и отопрею его душу. И *«возвратится душа его в храмы мои»*. И *«сердце его услышит слова обо мне из уст чужих...»*

14 мая, 9 ч. 20 м.

Одно я знаю точно: недооценить меня – значит потерять все. И что это на меня вчера нашло? И как я здорово справилась с этим! Да я молодец! Я – Инна Лай!

Здравствуйте! Люди!!!

15 мая 8 ч. 45 м.

Стереотип мышления, установок очень трудно изменить, а тем более избавиться от них. И в то же время почему-то какая-то негативная установка моментально внедряется в сознание и отправляется в подсознание, и очень скоро реализуется в материальном мире. А что-то хорошее позитивное воспринимается с недоверием, сопротивлением, а потому реализуется с трудом. Почему я так легко верю в плохое, а хорошее мне кажется самообманом? Ведь сила мысли и негативной, и позитивной одинаковая. Воображаемые сцены положительного и отрицательного плана обладают одинаковой силой воздействия на реальность. Так почему я так легко поддаюсь негативу?

Нет, я сейчас не в пассаже. Я просто размышляю. Мне — что, больше нравится, когда мне плохо? Я бы не сказала. Тогда зачем, вернее, почему возникают сомнения?

Слишком медленно? Да не так уж и медленно. То, что я за эти полтора месяца вывела себя и наши отношения с Яном из кризиса, доступно не каждому.

Закрепить и двигаться дальше. Это так просто. Избавиться от стереотипов. Культивировать новые, положительные мысли, образы, эмоции. Не уговаривать, не убеждать, не спорить с собой, а просто думать и представлять то хорошее, что я хочу. Это же легче, чем привлекать оппонентов хотя бы в качестве мыслеобразов.

21 ч. 50 мин.

Я просто офигеваю от способности своей умно, красиво изложить свою мысль или развить целую собственную систему, а на практике все забыть в доли секунды.

Мы поссорились!

Через полчаса после моих умозаключений.

Но сегодня моей вины не было – это точно! А потому я не впала ни в депрессию, ни в психологический шок как обычно. Просто какое-то величайшее недоумение: за что?

Я почти спокойно сделала за день все намеченные дела, вечером посидела с Лукашевич, а сейчас хочу спать. Мандража нет. Тоски-безысходности нет. Мысли спокойные. В первый момент, миг после ссоры подкрался обычный тошнотворный страх, но он очень быстро прошел, я еще с полчаса посидела, покурила и пошла по делам. Провела все беседы, встречи, которые откладывала на потом.

Ну, за что так со мной! Почему? Так нельзя ни с кем, а со мной тем более. От кого-то получить моральную оплеуху, а самоутвердиться со мной?

Не надо так.

Больше не надо так. Я понимаю, за 12 лет он так привык, я это позволяла. Но больше не надо так. Я другая. Я все равно люблю его, но я уже другая. Я не буду плакать. Я не буду теперь ползать на коленях. Все будет по-другому. Неужели это не понятно? Я не билась в истерике, как обычно. Я не рыдала. Он тоже не рыдал, но истерика у него была – с ума сойти.

Почему-то вспомнила: точно так же однажды кричал в истерике на меня брат Николай. Но врагом для меня не стал. Это было родственное. Так и с Яном. У меня нет к нему ненависти, злобы. Но самое главное – и это удивительно – у меня нет обычного после ссор жуткого осознания, что это конец, что я его больше не увижу, что это конец вообще всему и вся.

Да. Это не конец.

Это начало.

Не верите? Приходите через 3 года.

16 мая, 21 час.

Удивительно спокойно. Не безразличие и не апатия. А именно: спокойно.

С утра опять обошла все намеченные маршруты, причем, результативно, стерла ноги в кровь (перешла из ботиночек

на босоножки; второй день жара летняя), пришла домой вечером, приготовила себе поесть, почитала, с Анечкой пообщалась через SMS.

И все – без надрыва, спокойно, деловито.

А! Еще помыла полы в подъезде – я дежурная, твою мать!

Вот так.

Ни слез, ни тоски, ни печали. Ни боли – тем более.

Немного непривычное состояние; особенно, если учитывать, что исчезло из души и мозга тоскливое ожидание его звонка. Это у меня впервые. Но, что еще удивительнее: у самой нет неодолимого желания позвонить (как было раньше после ссоры).

И при всем этом уверенность, что это не конец. Пока не знаю, что это. Посмотрим.

Я точно подошла к какому-то рубежу. Это прямо в воздухе витает. Абсолютное даже не ощущение, а осознание, что я на пороге новой жизни. Нет того ощущения безысходности, беспомощности, страха перед будущим, которое было у меня еще в марте. Полное осознание, что я вступаю в какое-то новое пространство—время.

Правда, – так было у меня в 15—16 лет, когда я заканчивала школу и знала, что теперь начнется жизнь, как в книжке.

Хорошо.

А Ян... Это естественно: с Яном у нас будут качественно новые отношения. Нельзя так истязать друг друга любовью. И ни к чему даже выяснять, кто прав, кто виноват. У нас сложился такой стереотип общения, мы сотворили такую модель общения, которая ни к черту никому не нужна. Теперь посмотрим. Время и ситуации покажут, что делать дальше. Я не держу на него ни зла, ни обиды. Но и своей вины не чувствую. А потому с мольбами ползаний у его ног не будет. Этот стереотип я уже сломала вчера. И на его откровенно хамский тон не поддаюсь. Немного испугалась,.. поканючила. Но ничего. Это по привычке. Главное, что потом не впала в агонию, депрессию.

Опять молодец.

И еще одну хорошую позитивную установку я себе дала: отныне – не я в жизни Яна, а Ян – в моей жизни.

Раньше было наоборот. И это была главная и, пожалуй, единственная моя ошибка. *Надо в свою жизнь вовлекать тех, кто мне нужен, а не самой пытаться втиснуться в чужую жизнь.*

Да, я сегодня сделала очень важное дело для Искры и просто офигела, насколько она везучая в жизни. Для решения

ее вопроса потребовались 14 человек. И все они оказались в нужное время в нужном месте. За 2 часа я сделала то, что обычно делают в течение одной, а то и двух недель.

Или это моя профессиональная установка сработала? Я ведь всегда твердила, что *если мне нужно, то нужные люди всегда окажутся в нужное время в нужном месте.*

Ладно, это уже приятные детали. Сам факт приятен. Значит, у Искры все сложится и дальше. Помоги ей, Господи! Еще, и еще.

17 мая, 17 час.

Начинает потихоньку одолевать тоска.

Сдала статью об СПС, заработала 400 рублей. До полочки в газете, наверное, дотяну.

Только бы депресняк не накрыл. Глупо все как-то.

Почему нет гармонии? И почему смысл жизни, зацепка в этом мире только в Яне? Это же противоестественно.

Надо хотя бы искусственно, что ли, поддерживать в себе оптимизм, бодрость духа.

22 час.

Пожалуй, получилось. Не знаю, как и что я сделала,

но на этот час у меня опять спокойствие, почти безмятежность. И ночь не пугает. И завтрашний день (воскресенье!) не пугает.

Все будет так, как я хочу. Только теперь я другая. Качественно другая.

Унижений больше не будет. Ни сама унижаться не буду, и никто другой больше не посмеет унижить меня.

Все! Я вышла по спирали на новый виток. Я выстраиваю СВОЮ жизнь. А чужая жизнь меня не касается. Хватит!!!

Реальное свидетельство тому: за эти два дня после ссоры я столько дел сделала, что сама довольна. И все складывается как по маслу. И на завтра уже наметила. И на послезавтра, А там – уже и в СКИБ надо; июньский номер газеты выпускать. Со Снытко повстречаться, с Калачовой. Потом двигать в Москву.

Да вы меня плохо знаете, господа! Неужели вы решили, что я в расцвете сил от тривиальной тоски умру? Смешно.

Все, что вы думаете обо мне, не имеет никакого отношения ко мне.

18 мая, 7 ч. 30 м.

Моральное оздоровление. Психофизическое освобождение.

ние и возрождение. Вот что сейчас у меня! И никто и ничто меня теперь не остановит.

Культивировать позитив. Создавать положительные мыслеобразы.

Мое подсознание преданно исполнит все мои фантазии, мечты и желания, и то, что я чувствую и прошу в своих мыслях, получает свое оформление в материальном мире.

12 последних лет подтвердили, что весь негатив мышления и воображения моего получил свое отражение в действительности. А вся жизнь с детства, когда я фанатично мечтала о сказочной жизни – тоже сбылась. Первая сказка, что меня потрясла, – «Аленький цветочек» (7 лет). Второй этап – «Гадкий утенок» (8 лет), третий – «Алые паруса» (15 лет). Я никогда и никому вслух не говорила об этом, но я знала: это про меня. А в 12 лет я прочитала самиздатовские дневники любовницы Сталина и опять же решила: я тоже буду так. Я и это получила: КГБ, полковник, «Волги», таинственность, подобострастно-завистливые взгляды подруг, приятельниц, окружения... Эх, я! Надо было позиционировать светлые, открытые семейные отношения с любимым человеком!

То есть: я всегда получала в своей жизни реальное воплощение своих мыслеобразов. Так неужели теперь, с полувековым опытом воплощения в жизнь своих фантазий, я не сумею создать себе такой образ жизни, который был бы мне в радость, а не в тягость?

Да сумею, конечно! Я это уже делаю: семья, дети, дом. Дом. Машина. Деньги. Компьютер. Книга. Сад. В любой последовательности и комбинации. Теперь это мой образ.

В гороскопе (персональном) у меня сказано: полный расцвет сил у меня наступит к 50 годам жизни. Сейчас мне 47 лет. Пора! Вперед. Да уж, совсем обидно теперь. Последние годы я вообще не формировала свое будущее, видела только тупик и бессмысленность своего существования. И ежедневно, ежечасно страстно рисовала картинки жизни Яна и Галины. Что и получила. С ума сойти! Теперь это кажется настолько глупо; зачем? На кого я тратила время, энергию?

19 мая 11 ч. 30 м.

Устала я что-то с утра. Но в общем и в целом душевный настрой позитивный. Ничего из намеченных дел не отменяю, и все складывается с положительным результатом. До отъезда в Москву надо сдать проект по PR-агентству и июньский номер газеты в печать.

На сегодня из запланированных дел осталось перестирать постельное белье, чтоб на момент отъезда (а точнее, приезда) все было чистое.

Вот так. Что еще? Эмоциональных всплесков нет. Все относительно ровно. Главное – в душе и в мозгу не полыхает

пламя тоски, наоборот, тихая, спокойная уверенность: никуда не денется. Все идет по плану. Все будет так, как я хочу. Главное – чтобы подсознание получило правильные, четкие команды и установки, а тогда оно само позаботится, каким образом реализовать мои мысли и желания в реальном, материальном мире. Я это узнала давно, лет 6 назад. Теоретически. И только сейчас поняла прикладное значение этой теории.

Что подумаю, то и получу.

По вере моей мне воздастся.

Необходимо окончательно избавиться от нагнетания негативных мыслеобразов. Заразы, они почему-то так моментально воплощаются в жизнь. Хотя, хорошее тоже быстро сбывается. Просто о хорошем я думала меньше. Я больше любила страдать, горевать. А как же – надо ж было создать себе препятствия, чтобы их потом самой мужественно преодолевать.

Глупышка.

Все хорошо, что хорошо кончается.

18 часов.

К вечеру опять почувствовала, как тягостно-томительно тянется время. Импульсами прорывается тоскливая безысходность. Но мне почему-то удастся тут же избавиться от них.

Уже много фактов, что я на пороге новой жизни, и об этом надо помнить и вспоминать.

Все, что происходит у нас с Яном, мне теперь уже известно *почему*. А значит, если мне он нужен, я должна найти правильную линию поведения: не поддаваться на эмоциональные провокации. Блин, так обидно: полтора месяца держалась, аж сама любовалась, а тут в единый миг взорвалась на его тон. Надо было по-другому. Но теперь уже разве что только выводы на будущее сделать. А оно придет. Оно идет, а потому обязательно дойдет. Это я теперь знаю точно. Ход времени ничто не остановит; в слезах мы или в радостях, – оно все равно идет. И придет. Это хорошее, доброе, радостное, счастливое будущее.

Смотрела «Слово пастыря». Запомнилось: *«Победа зла недолговечна»*

Да. Это так. А потому не стоит преувеличивать значимость негативных моментов жизни, надо фиксировать в памяти приятные слова, события. Не торопить время, не опережать время. Я вышла на правильный путь. И даже эта ссора с Яном – качественно другая. Для меня. Не знаю, что и как он сейчас чувствует, но у меня все же позитивное состояние. Я имею в виду, по сравнению с прошлыми ссорами, когда я сразу впадала в депрессию, и все дела, и сама жизнь моя замирала, зависала. А потом я опять все начинала с нуля.

Теперь же цепочка не оборвалась. То, что я начала 24 марта, не перечеркнулось в эту ссору. Можно сказать, я поскользнулась, потеряла равновесие, но, как говорят, фигуристы, касания не было. Минус баллы, но это не дисквалификация.

21 час.

Перечитала дневник сначала. Удивительно все же, как быстро я живу. Всего-то прошло 13 дней с первой записи, а такое ощущение, словно годы пролетели с того дня. Да, никому за мной не угнаться. И время явно отстает от меня. А точнее, я стремительно отрываюсь от него, от привязанных к этому временному отрезку событий, а потом оконфуженная возвращаюсь назад. Потому, что там, куда я вырываюсь от настоящего времени, еще нет тех людей и событий, которые мне нужны.

Вот какой вывод я сделала, прочитав дневник.

Все-таки это очень полезно – писать. Оказывается, ежедневные мысли, эмоции и даже события стираются из памяти и сохраняются только вехи, одиночные, не связанные между собой. А в дневнике – общая панорама, на которой четко видны все плюсы и минусы поведенческой линии. Несколько листов уже успела выдрать. И даже это говорит о многом. Запись от 13 мая уничтожила, но я помню ее. И запись, и день. И, конечно же, этот день сыграл свою роль

15 мая. 13-го я не дала выхода своим эмоциям, они накопились и 15 дали толчок. Чего уж делать вид, что я удивлена, что, якобы, ни с того ни с сего все покатилося. 13-го я уже была фактически настроена на ссору. Мне хотелось сейчас и сразу стопроцентной «сбычи мечт». 14-го я еще продержалась, а 15 ... Ну, и с его стороны, естественно, очередной скандал с Галиной не прибавил ему уверенности, что жизнь хороша, а потому, он говорил со мной не тем тоном, какой я ожидала услышать. И все покатилося.

А вообще, у меня какое-то чувство, что я постоянно в какой-то куче дерьма ковыряюсь.

Довольно. Хватит. Надо переходить на новый виток. Перестала заглядывать в замочную скважину, так теперь на кучу дерьма присела. Ну, теперь, пожалуй, все? Через все негативные этапы прошла? Начнем, а точнее продолжим начатое? По-моему, все идет неплохо. Из двоечницы я, кажется, уже перешла на твердую «4». Повторять, закреплять пройденный материал, усваивать новые темы, – и все будет нормалек.

Ставить конкретные цели и не уходить от текущих повседневных дел.

Все. Вперед. Я уже не ползу.

А точнее, я уже выбралась из Крауч-Энда. Мне в этом городе не понравилось. Это ж надо, из Каперны запереться

в Крауч-Энд! И именно после того, как встретила свои Алые Паруса.

Супер-фантастика!

20 мая, 10 ч. 10 м.

Все будет хорошо. Я растоплю снега и льды. А на будущее надо запомнить: всплеск эмоций никому еще пользы не принес. А мне – тем более. Все будет хорошо. Все уже хорошо.

Странно. Все это время после ссоры было большей частью холодное спокойствие, а сейчас какое-то тепло медленно просочилось в душу.

Уходит ярость и ожесточение.

И это тоже хорошо. *Любовь – это тепло, которое греет, а не жестокое пламя, которое сжигает все.*

Все уже хорошо. Сегодня переломный день.

Спасибо, Мария Дюваль. Я не знаю, кто ты, и есть ли такая на самом деле, но если ты даже просто брэнд маркетинговой акции, я все равно благодарна тем людям, которые создали тебя, за удивительные письма с неуклонной линией позитивного мышления.

Верю.

19 часов.

С утра ходила к Осипову – просила отсрочить оплату за свет.

Сколько работала по городу, считала, что он – сухощавый старик-чиновник советских времен. Оказалось, нет. Лукашевич говорила, он был одним из первых фиолетовых. Прикольно. Дал мне визитку: «В любое время, по любому вопросу. Я всегда на работе. Или дома.» Записал мой: «Я не собираюсь Вас разыскивать или контролировать, это так... На всякий случай».

Потом встретила Машу Соколову. По-моему, у нее крыша поехала. Ей 50. Два года назад муж уехал в Москву на работу. Чуть раньше уехали дети. Короче, два года уже одна. С работы ушла на пенсию по педстажу. Жуткое впечатление осталось. Это шиза во плоти.

Ни в коем случае нельзя оставаться одной. *Одиночество мстит за себя.* И от работы нельзя отлучаться навсегда.

Когда построю дом, обязательно напишу книгу. Спаси, сохрани, помилуй, Господи!.

24 часа.

Что-то я засиделась. Почему-то время стало пролетать незаметно. Это хороший признак. Надо ложиться. Завтра рано вставать.

Надо «сдыхать» газету и – в Москву.

Мне сегодня понравилось, как Ян говорил со мной. Это симптом выздоровления. А еще мне понравился холодец, который я сварила, потому, что это сытно, вкусно и недорого, и, что парадоксально, празднично. И еще – закончилось мое дежурство по подъезду. Ненавижу мыть подъезд, но когда помою – приятно.

И еще момент. Легла в обед подремать. Проснулась от острой боли в душе: почти безотчетный страх одиночества. Окончательно проснулась и... Удивилась: Господи, чего это? Все же хорошо!

Потом еще некоторое время удивлялась: надо же, чего это я?

Это тоже хорошо. Это значит, что старые стереотипы еще пытаются выжить во мне, но я уже умею без усилий избавиться от них.

Вот, что это значит.

Оказывается, это совсем не трудно: избавляться от негативной мысли. Переключаться – просто очень. А я раньше думала: ну, как же не думать о плохом, если оно есть? Оно-то, может, и есть, но изменится отношение к нему, состояние души. И появляются силы изменить ситуацию к лучшему.

Так-то вот.

И столько срочных и важных дел появляется сразу! Да мне

скоро времени, что ли, не будет хватать?!

Никогда не стану, как Маша Соколова!

21 мая, 7 ч. 30 м.

Приняла душ. Пока волосы высохнут, успею нацарапать несколько строк.

Я все о том же. Раньше сплошной завесой висели черные мысли, и временами прорывалась надежда, слабая искра: «А может, все будет хорошо?». А теперь наоборот: общий фон светлый, позитивный, и даже оптимистический, и лишь временами (всего раз или два за сутки) мелькнет в сознании уже не мысль даже, а легкая тень негатива, именно: мелькнет, потому что она не застаивается в мозгу и в душе. Как бывает иногда, мигнет лампочка; то ли было, то ли не было. И все время желание встать и идти, и что-то делать. Раньше если я что-то делала, то через силу, потому, что *надо* было. Как я говорила: «Жизненно-необходимое дело». И делала это без удовольствия, радости: скорей-скорей, чтобы потом опять уйти в свои страдания.

У меня сейчас интересный период. Я все время невольно сравниваю: как было, и как есть. Наверное, это необходимо в переходный период, чтобы самой наглядно убедиться, что лучше. Когда наступит время, когда я перестану оглядываться, тогда будет полная победа.

Мне сегодня в Питер. Масса дел. Вернусь – и здесь еще кое-что надо успеть.

24 ч. 00 м.

В Питере сделала все намеченное. И даже больше. Назад меня привез Ян! Кто сказал, что любовь бессильна? *Любовь вечна и всемогуща.*

Говорила по телефону с Искрой. Голос внезапно повзрослел. Жаль, что я целый год посвятила своим страданиям. Девчушкам еще очень нужна моя подпитка. И моральная, и материальная. Господи, какие же они у меня молодцы! А Рома просто героический.

Ничего, я теперь его разгружу.

Я на правильном пути. Теперь, главное, набрать обороты. Я уже не ползу. Я уже иду. Медленно, но верно.

Благодарю тебя, Господи!

Потерпите уже совсем немного, мои золотые дети, я вам помогу. Уже скоро. Все самое страшное позади.

22 мая, 24.00

Самое главное теперь – терпение и аккуратность мысли. Не подгонять и не опережать время. Не форсировать собы-

тия.

Не дергаться самой и не дергать окружающих.

Я заметила вот что. Я почти избавилась от обиды, гнева, зависти, ревности. Это то, от чего я решила избавиться в октябре прошлого года. И каждый раз, когда я твердила себе это, внутри у меня все взрывалось и бунтовало, и мне становилось еще обиднее, я с еще большим остервенением ревновала, завидовала Галине и всем, кто рядом с Яном, и гнев и ярость захлестывали мой разум.

Где-то неделю назад я впервые поймала себя на том, что я уже *не заставляю* себя не думать, *а просто не думаю*, не создаю себе образы, картинки, которые приводили меня в бешенство.

Это очень сильное свидетельство тому, что положительные установки, аффирмации работают. Какую мысль заложишь в подсознание – то и получится в реальности.

Интересно. В детстве я инстинктивно это чувствовала. Лет в 13 я придумала девиз:

Я хочу – значит,

я есть.

Я есть – значит,

я буду.

Не могу понять одно. Почему с приходом Яна я утратила всю свою позитивную фанатичную целеустремленность?

Ведь должно было быть наоборот: я встретила того, кого создавала себе с детства, дальше должна была начаться сказочная жизнь с любимым... Но, похоже, я мечтала истово только о встрече с ним, а дальше не представляла себе, что с ним делать, и полностью положила на него. А он формировал свою жизнь и отводил в ней место для меня. Очень ограниченное.

И только теперь я понимаю, что должно быть:

не я в его жизни

а он – в моей жизни.

И во всем остальном тоже:

Не я – в событиях жизни (в качестве статиста)

А события – в моей жизни.

Культивировать позитив. Насаждать, навязывать себе положительные мыслеобразы.

Перефразируя Хрущева, можно теперь утверждать:

«Есть только два мнения: одно положительное, другое – неверное».

Мне теперь необходимо создать такую мощную базу положительных мыслеобразов для себя и детей, чтобы в ближайшее время все стабилизировалось и начало воплощаться.

Я своим негативом и детям все притормозила. Вот это я

должна осознать. Особенно – Кристиночке. Пожалуй, она, из всех троих детей, наиболее подвержена моему влиянию, хотя характером Искра больше похожа на меня.

Не терять время на угрызения совести, самоуничужение. Осознала свою вину, ошибку – вперед. Я вышла из ступора. Теперь – вперед.

23 мая, 19 ч. 15 м.

Пожалуй, я по сути своей все же экстремалка, потому что в критических ситуациях я всегда знаю, что делать, но стоит мне выйти на какой-нибудь относительно ровный уровень положения, как я не знаю, что делать дальше.

Вот это, пожалуй, главная моя ошибка с Яном. Ссоры с ним были для меня как допинг. После ссоры у меня была конкретная ближайшая цель – помириться, установить теплые, нежные отношения. Это была ближайшая высота, которую мне надо было взять: штурмом, боем, осадой, – неважно, главное, взять и водрузить на ней флаг. А дальше я не знала, что делать. Сейчас я опять в том же положении. Высота взята. Знамя победы полощется на ветру. И я в растерянности.

Но в отличие от прошлых лет я теперь (конкретно: сегодня) осознала этот момент икс. А потому я в состоянии

управлять своими эмоциями. Я способна создавать нужные мыслеобразы. Итак, скажем так. Осада, штурм закончились. Началась мирная жизнь. Надо удержаться эту высоту. И с этой точки подниматься выше, а не скатываться опять к подножию, а потом опять карабкаться. Установку из советских времен «и вечный бой – покой нам только снится» стереть из памяти. Ввести: «Жизнь – это мирное, радостное созидание. Жизнь – это удовольствие».

Отныне я буду жить по этой матрице. У меня получится. У меня уже получается. Эта ссора у нас была самая короткая: 5 дней. Так что даже не ссора, а так, бытовуха, недоразумение. Отсчет идет у меня по-прежнему с 24 марта. Так что сегодня два месяца, как я живу по новой матрице.

Теперь уже можно быть уверенной в своих возможностях и способностях созидательного плана.

Еще и еще раз помнить: Ян – в моей жизни. А не я – в его жизни! Не пытаться втиснуться в его жизнь, а вовлечь, привлекать его в свою жизнь.

Ничто и никто не смеет противостоять силе моего подсознания! Управлять ситуациями так просто. Почему я не делала это во благо себе? Почему я не фиксирую и не радуюсь положительным моментам? Сегодня, например: трижды звонил с утра, потом приехал. После отъезда опять трижды звонил. И каждый раз добрый, радостный тон.

И вчера – то же самое. И позавчера. Да кому еще так зво-

нят, по 5—8 раз на день?! Нет же, — у меня в голове единственная мысль гудит сплошным набатом: сейчас Ян уедет. То есть я даю установку себе и ему на отъезд. Чудеса! Все! Всему этому конец. Из того, что имею на сегодняшний день, создаю кардинально другой образ жизни. Если сбывались все плохие образы, то хорошие сбудутся тем более. Хорошая штука — дневник; идеальный психологический практикум получается. Не боишься быть назойливым, нудным. А когда еще и перечитываешь, то получается закрепление пройденного материала.

Еще один интересный и приятный момент. С каждым днем крепнет уверенность, что у детей теперь все будет просто замечательно. С полгода назад я впала почти в панику: сама уже ничем помочь не могу, а они еще не столь самостоятельны. Бедный Рома взвалил на себя полное обеспечение обеих сестреноч: проживание, питание, одежда, обувь и прочие мелочи, требующие каждодневных затрат.

Да и не бедный он у меня! Героический! И диплом пишет, и работает, и девочек, помимо содержания, еще и воспитывает.

Он дал мне возможность целый год фактически отдохнуть от своих обязанностей. Теперь я его разгружу. Я это сделаю. Я так ему благодарна. И Анечке, естественно. Это же надо быть настолько мудрой, мужественной и великодушной, чтобы в первый год замужества взять на себя ответственность

за сестренку мужа. И за все это время ни одного упрека, ни одного недовольного слова. Наоборот, постоянная поддержка, подбадривание: «Все будет хорошо, мама. Главное, не отчаиваться». А Рома как-то написал: «Ты, главное, не падай духом. Потерпи немного, мы обустроимся и заберем тебя к себе».

Да чтобы я не нашла в себе силы воспрянуть духом и помочь *таким* детям?!

24 мая, 15 час.

Больше никогда Ян меня не унизит, не оскорбит и не обидит. Я сама дала ему это право.

Я это право аннулирую.

Вот так.

И это так просто. И хорошо.

Отныне я не обижаюсь, не унижаюсь, не оскорбляюсь. Это *моя жизнь*, и *в моей жизни* я счастлива, я богата, я самодостаточна. Я источник Добра, Любви и Света. Для детей, для Яна, для всех.

Дом. Машина. Сад. Компьютер. Книга.

Я опять (как в детстве) фанатично уверена в себе. И с каждым днем эта уверенность крепнет и подкрепляется реальными ситуациями.

Много времени потеряно – да. Но впереди гораздо больше

времени. 12 лет против 33 – ничто. Тем более, что, как бы там ни было, за эти 12 лет я вывела детей своих на хороший уровень: все трое закончили английскую гимназию на медали и поступили в самые элитные вузы Москвы. А Рома уже пишет диплом. В этом есть несомненно моя заслуга. А то, что я целый год пустила их на самотек – ну, в этом, конечно, вина моя. Ничего, исправлюсь.

Мы теперь на такие высоты поднимемся – дух захватит! Потому, что даже в самые тяжелые в психологическом плане моменты моей жизни я не совершала преступления: ни юридического, ни морального. Я просто страдала.

Теперь так легко и радостно это осознавать. А ведь могла столько натворить всего такого, что исправить было бы невозможно. А сейчас все, что требуется, это просто самой очнуться, встать и идти.

Молодец! Все-таки я молодец.

21 ч. 30 м.

Кто сказал, что со мной можно так поступать?! Ну, кто тебе сказал?!

Нет. Ничего не случилось. Просто оглянулась назад, увидела себя. Валяющуюся в ногах у Яна, и его – снисходительно-великодушного...

Что я замыслила 24 марта? К чему я теперь так одержимо иду в абсолютной уверенности, что дойду? Что произошло во мне в тот день, и что добавилось 15 мая?

Боже мой. Какой же ты недалекий! Какие же вы все ограниченно-самоуверенные, мужчины, которые совершаете преступление против любви. Недальновидные. Уверенные в своей вседозволенности и безнаказанности.

Не я выношу приговор. И не я привожу его в исполнение. Наказание идет свыше. Мне всего лишь дана возможность свыше подняться с колен.

Разве я похожа на мопассановскую героиню? Так почему же я до сих пор играла эту роль?

Никогда и никто меня больше не унижит.

«Избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых свободи мя...»

Я удержусь на этой высоте. Удержусь и пойду дальше. Да же если никогда не смогу ответить себе на вопрос: «Если я осознаю, что он нечестно, непорядочно поступил со мной, почему я так держусь за него, почему я продолжаю любить его?» Пока нет ответа.

Что я замыслила?

Я знаю. Но озвучу это через три года. А может, раньше. Но максимум – через 3 года. Я сделаю это. И я знаю, почему 24 марта и 15 мая я вернула его, игнорируя все оскорбления его, хамовито-циничный тон, который сама же и вызвала. Что-то во мне сегодня произошло. Какой-то скачок. Наверх. Это точно. Возрождение и освобождение. Процесс уже необратимый.

Нет, я вовсе не намерена культивировать в себе зло. И сегодня это просто была волна протеста. Которая подняла меня наверх. Протеста, скорее, против себя, своего поведения, приведшего к своему падению. Никогда нельзя быть рабой любви.

25 мая, 8 ч. 45 м.

Все же приятно осознавать, что я могу управлять эмоциями (своими и чужими) и событиями.

Хотя, Ян мне уже давно говорил: «Ты можешь поднять мужчину на такие немыслимые высоты, о каких и мечтать страшно, и точно так же можешь опустить на такое дно... Две секунды».

А Сережа мне говорил: «С тобой, как на вулкане, никогда не знаешь, когда он начнет извергаться...»

Ну что ж. Подытожим, называется. По гороскопу у меня наибольший расцвет наступит к 50 годам. И третий период жизни – самая счастливая пора.

Что ж, все к тому идет. Я готова, судя по тому, что я начинаю обретать правильную философскую позицию жизни.

Странно, так сильно хочется в Москву. Раньше ездила потому, что надо было; то одно, то другое. А сейчас – и надо, и хочется, и с каждым днем все нестерпимее.

Скорее всего, это просто жажда действия, деятельности, движения.

Даже немного жаль и смешно. Я хотела втиснуться в такую серую, примитивную жизнь Яна. Зачем?

Я выстрою *свою жизнь*. Просто офигительную. Я уже начала. Только нужно быть очень аккуратной и внимательной в мыслях, делах.

Терпение и время. Все остальное у меня есть. Не потерять, не разрушить то, что имею. Творить, созидать дальше. Приумножать, а не растрачивать – в плане чувств. И денег тоже. И всех остальных ценностей, естественно.

Я – менеджер, имиджмейкер своей жизни. Я – управляю собой.

26 мая, 20 ч. 40 м.

Только что уехал Ян.

Я продвигаюсь в своем развитии семимильными шагами. Он уехал. А у меня нет тоскливого чувства одиночества,

оставленной, ненужной, как было раньше. Ни гнева, ни отчаяния. Ни сломленности. И самое главное – никакого усилия, насилия над собой, чтобы переключиться. Просто нет, и все.

К Яну прорывается какая-то теплая волна нежности, как к ребенку. И кажется, что я его понимаю больше, чем он себя. Я вижу то, чего не видит он. А точнее, я вижу истинную суть его действий, поступков, которую он пытается завуалировать. Именно поэтому у меня к нему появилось чувство, какое испытываешь к ребенку, которому кажется, что он очень умело скрыл что-то от взрослых.

Моя жизнь. И люди в моей жизни. Помнить это всегда. Никто и никогда не обидит меня, пока я сама себе не дам команду: «Это обидно! Надо обижаться».

А я не дам. Теперь уже не дам этой команды. Мне теперь так очевидно, что чужие характеры, настроения, уровни жизни и мышления никакого отношения ко мне не имеют. И нет смысла страдать о том, что не сбылось. Надо время и энергию использовать на сотворение жизни настоящей и будущей. *Своей жизни.*

Я больше не хочу и не буду втискиваться в серую жизнь Яна и Галины. Я сотворю *свою жизнь*. Абсолютно нечему было завидовать Галине. Как долго я этого не понимала.

Боже мой! Такое ощущение, будто целый пласт жизни пе-

ревернула в себе.

Отныне и навсегда я отпускаю от себя обиду, гнев, зависть, ревность. Я свободна.

Еще столько надо успеть! И я успею! Я молодец. Я – Инна Лай. Потерпите еще немножко. И вы обо мне услышите.

Этапы:

1. Я уже не нахожусь в ежеминутном (!) тоскливом ожидании звонка от него. Это наваждение продолжалось почти 10 лет.
2. Нет постоянного ужаса и страха, что он не приедет.
3. Нет желания постоянно отслеживать мысленно: «А где он? А с кем он? А как он?»

Да хоть с крокодилом! Любит и вернется все равно ко мне. Это уже вопрос времени. Потому, что в *моей* жизни ему отведено самое почетное, достойное место. Потому, что я люблю его. Дорожу им. Уважаю его как личность, как мужчину. Ну что он, дурак? – от такого отказываться? Нет, конечно. Так в чем дело? Все очень просто – а я столько накручивала.

Я создам PR-агентство на КМВ, сама, без крутого мена, свое агентство. Вот! Хватит на чужого дядю пахать. Это уже

решенный факт для меня. Это уже свершилось в череде грядущих дней. Осталось дожидаться прихода этого дня. А поскольку ход времени ничем не остановить, то этот день придет, настанет обязательно. И приезжать на работу в качестве гендиректора я буду на своей машине – серебристой «десятке».

Благодарю тебя, Господи, что эта моя мечта сбылась благополучно. Я счастлива.

27 мая, 17 ч. 05 м.

15 минут. Максимум 15 минут требуется мне теперь, чтобы избавиться, отпустить от себя дурную мысль.

Так приятно. Хочется, конечно, вообще чтобы не было. Но – время, терпение. И помнить. *Моя жизнь – это мои мысли.*

Не заводить себя негативом. И все.

Сегодня прошла предпоследний этап оформления документов на дом. Почти год тянулось оформление. Этот новый дом я с первого дня я связывала с Яном. В результате – какие отношения с ним были, так и оформление шло: шаг вперед, два – назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.